

**Декоративно-
прикладное
искусство
коренных
малочисленных
народов
Красноярского
края: современное
состояние,
перспективы
развития. Полевые
исследования.**

монография

2017

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

Авторы: Копцева Наталья Петровна, Замараева Юлия Сергеевна,
Сергеева Наталья Анатольевна, Лобакова Наталья Михайловна,
Сертакова Екатерина Анатольевна, Филько Антонина Игоревна,
Стручева Елизавета Сергеевна

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Копцева Наталья Петровна

К65 Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных
народов Красноярского края: современное состояние,
перспективы развития. Полевые исследования. : монография
/ Наталья Петровна Копцева [и д. р.]. — [б. м.] : [б. и.], 2017. —
130 с. — [б. н.]

Исследование выполнено при поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках реализации проекта: «Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов Красноярского края: современное состояние, перспективы развития».

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Исследование выполнено при поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках реализации проекта: «Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов Красноярского края: современное состояние, перспективы развития»

©Сибирский федеральный университет

Полевые исследования на территории Эвенкийского муниципального района Красноярского края

Полевые исследования на территории Эвенкийского муниципального района были проведены в августе 2017 года исполнителями проекта Ю. С. Замараевой, доцентом кафедры культурологии Сибирского федерального университета, Н. А. Сергеевой, ассистентом и аспирантом кафедры культурологии, А. И. Филько, аспирантом кафедры культурологии Сибирского федерального университета, Е. С. Стручевой, студентом направления «культурология» Сибирского федерального университета.

Даты проведения полевых исследований 16 августа — 18 августа 2017 г.

Дневник полевых исследований

16 августа 2017 г.

На территории Этнопедагогического центра Филько А. И. было проведено экспертное интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии с сотрудником эвенкийского краеведческого музея Лапуко Гульнарой Кимовной.

Гульнара Кимовна отметила тот факт, что на сегодняшний день происходит утрата традиционных видов декоративно-прикладного искусства. Уходит выделка из меха и создание промысловых предметов. На смену традиционным материалам приходят современные, но они вызывают скорее мысли о стилизации традиционного искусства, нежели его о развитии. Она говорит о том, что единственным направлением в эвенкийском декоративно-прикладном искусстве, не утратившим свою популярность, остаётся шитьё бисером. И даже оно претерпевает изменения, становится более обыденным. Узоры и орнаменты теряют свои первоначальные смыслы и значения, в них появляется множество новых, чуждых знаков и символов, заимствованных из других культур. Происходит утрата идентичности. Появляются новые направления, не свойственные эвенкам ранее, например, резьба по кости. Гульнара Кимовна считает, что навыки мастерства плохо передаются новому поколению. Мастера делятся ими неохотно, в семье дети усваивают их, но не развивают, а в школах под видом традиционного декоративно-прикладного искусства преподаётся современная стилизация.

Филько А. И. было проведено экспертное интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии с депутатом районного совета депутатов Удыгир Вячеславом Арсеньевичем у него дома.

Вячеслав Арсеньевич считает, что утрата многих видов традиционного эвенкийского декоративно-прикладного искусства связана в первую очередь с утратой традиционных промыслов, поскольку между ними всегда существовала тесная связь. Кроме того, он отмечает, что традиционные предметы

быта, составлявшие основу декоративно-прикладного искусства Эвенкии, постепенно стали вытесняться из обихода современными аналогами в виду сложности их изготовления. Вячеслав Арсеньевич замечает, что очень важно продолжать программы обучения декоративно-прикладному искусству в школах, развивать их и дорабатывать, дабы не утратить столь важную часть культуры.

17 августа 2017 г.

В Эвенкийском краеведческом музее Филько А. И. и Стручевой Е. С. было проведено экспертное интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии с работником музея, главным хранителем фондов — Иреной Антано Вайшнорайте. Результатом встречи стало получение списков предметов ДПИ, хранящихся в фондах с инвентарными номерами, согласие на дальнейшее сотрудничество с музеем и на использование оцифрованных произведений.

Ирена Антано поделилась историей и современным состоянием традиционного эвенкийского декоративно-прикладного творчества. Традиционное ДПИ она в большей степени связывает с изготовлением и украшением одежды. Как главный хранитель фондов Эвенкийского краеведческого музея Ирена Антано больше работает с такими изделиями традиционного ДПИ, как одежда, домашняя утварь, орнаментированные предметы быта. Несмотря на строгости советского периода истории России, перерыва в изготовлении предметов ДПИ, по словам Ирены Антано, не было. С развитием страны и региона изменилась лишь направленность декоративно-прикладного творчества, появилась стилизация традиционной культуры, утратились некоторые направления ДПИ и навыки мастеров. Изделия стали изготавливаться больше для красоты, реже стали иметь функциональное значение. На сегодняшний день самым популярным традиционным изделием является обувь — унты. По мнению Ирены Антано, в современной Эвенкии возможно

восстановить архаичные традиции декоративно-прикладного творчества через систему образования и силами мастеров, таких как Сафьянникова Тамара Михайловна. Ради сохранения и развития традиционного творчества также вполне уместно: стилизация, массовое производство сувениров, появление новых форм ДПИ.

Замараевой Ю. С. и Сергеевой Н. А. было проведено интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии с мастером декоративно-прикладного творчества Хутокогир Валентиной Анатольевной на территории её дома. Результатом встречи также стала фотофиксация работ, продемонстрированных мастерицей.

Валентина Анатольевна рассказала о своём творчестве. Из изделий традиционного ДПИ Валентина Анатольевна изготавливает одежду, обувь, аксессуары, сувениры. Её работы часто экспонируются в рамках различных выставок. Свои изделия Валентина Анатольевна делает согласно традициям. Обучение эвенкийскому ДПИ произошло в её детстве, когда она жила в посёлке Эконда, населённом исключительно эвенками. Валентина Николаевна, проживая в традиционной этнокультурной среде, обучалась самостоятельно и перенимала навыки от более опытных женщин. Детские впечатления влияют на современное творчество Валентины Николаевны. Также мастерица рассказала какие виды декоративно-прикладных изделий были распространены в период её детства, какие значения имеют цвета и орнаменты. Весь свой накопленный опыт Валентина Николаевна считает необходимым передать будущим поколениям. По её мнению, так должны поступать все мастера традиционного ДПИ. Важно то, что обучение должно происходить с самого детства. Также Валентина Николаевна отметила необходимость научного исследования эвенкийского традиционного декоративно-прикладного творчества, а также возможность массового производства изделий ДПИ и появление современных элементов в традиционных формах.

Филько А. И. и Стручевой Е. С. было проведено интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии с мастером и авто-

ром книг по ДПИ Сафьянниковой Тамарой Михайловной. Результатом встречи стали: фотографии работ, видеозапись интервью, демонстрации произведений, а также процесса работы над произведениями.

Тамара Михайловна Сафьянникова — знаменитая мастерица, автор нескольких книг о декоративно-прикладном искусстве Эвенкии, носитель эвенкийского языка, методист по декоративно-прикладному искусству в МОУ ДПО «Эвенкийский этнопедагогический центр повышения квалификации», бывший член Всероссийского методического Совета по декоративно-прикладному искусству, педагог, награждена знаком «Отличник народного просвещения». В ходе интервью Тамара Михайловна рассказала о своём детстве, жизни в эвенкийском оленьем стойбище и в интернате, о работе учителем, а также поделилась секретами своего мастерства и особенностями эвенкийского декоративно-прикладного творчества.

Поскольку Тамара Михайловна является носителем эвенкийского языка, её рассказ о ДПИ сопровождался эвенкийскими названиями инструментов, изделий, орнаментов. Декоративно-прикладным искусством Тамара Михайловна занимается практически всю жизнь и сама говорит: «Вот видите, сколько за жизнь пришито бисеринок, сколько-сколько, вы даже представить не можете». Мастерица сетует, что навык изготовления традиционных декоративно-прикладных изделий теряется, современные мастера уже не так ловки и умеют изготавливать далеко не всё, что умели их предки. Тамара Михайловна считает, что молодых мастеров необходимо обучать традиционному искусству, поддерживать их, награждать званием «Мастер прикладного творчества Эвенкии» для повышения престижа традиционного ремесла.

Филько А. И. и Стручева Е. С. провели интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии, а также о творческой деятельности с мастером ДПИ Увачан Станиславом Игоревичем во дворе его дома в летнем чуме.

Станислав Игоревич говорит о том, что традиционное декоративно-прикладное искусство производится и существует

там, где занимаются традиционными промыслами. Он сам оленевод и создаёт свои изделия именно тогда, когда уходит в тайгу вместе с бригадой. Там они сами производят всю свою экипировку совместно, каждый мастер ответственен за свои процессы, они дополняют друг друга своими умениями. Окружающая обстановка вдохновляет мастеров, обуславливает декор изделий. Станислав Игоревич отмечает, что, несмотря на наличие современной одежды и инвентаря, ничто не может заменить традиционные вещи, что прошли долгую историю улучшения и оптимизации и являются самыми удобными для жизни в тайге. Станислав Игоревич сожалеет о том, что современные мастера превращаются в торговцев сувенирной продукцией. Он сам и его коллеги напротив, даже делая вещи на заказ, стараются делать всё с сохранением традиционных смыслов и технологий, а главное, с радостью.

Замараевой Ю. С. было проведено интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии с мастером ДПИ Удыгир Натальей Максимовной.

Наталья Максимовна — мастерица ДПИ, поделилась историей развития своего творчества и современным состоянием эвенкийского декоративно-прикладного творчества в целом. Декоративно-прикладному искусству Наталья Максимовна обучалась с самого детства, т.к. все члены её семьи этим занимались. Основное занятие Натальи Максимовны — шитьё, она шьёт одежду. Современная одежда, по её словам, больше стилизована, чем традиционна, поскольку в 90-е годы олени ушли, и изготовление традиционной одежды стало более затруднительным. Наталья Максимовна указала на важность декорирования предметов ДПИ, особенно важным является орнамент. Эвенкийский орнамент отличается от орнаментов других народов. Сама Наталья Максимовна без труда может отличить традиционный эвенкийский орнамент от иных орнаментов. По словами мастерицы, в эвенкийских орнаментах используются белый, красный, жёлтый, чёрный, голубой цвета; основные знаки: деревья, чумы, олени, рога и т. д.

18 августа 2017 г.

Стручевой Е. С. и Филько А. И. в Культурно-досуговом центре был получен список мастеров посёлка Тура от директора учреждения Воробьёвой Светланы Викторовны.

Список мастеров:

- Ивчик Надежда Михайловна
- Мирошко Надежда Юрьевна
- Ботулу Марина Андреевна
- Горбунов Семён Альбертович
- Эспек Дмитрий Христофорович
- Мирошко Федосья Егоровна
- Карнаухова Татьяна Яковлевна
- Чарду Августа Христофоровна
- Верхотурова Людмила Александровна
- Оршанко Михаил Павлович
- Ботулу Ольга Николаевна
- Чирончина Нина Илларионовна
- Сафьянникова Тамара Михайловна
- Эспек Елена Кирилловна
- Мирк Наталья Викторовна
- Хутокогир Валентина Анатольевна
- Осогосток Надежда Владимировна
- Болтаева Любовь Николаевна

В формате таблицы 1 представлен дневник полевых исследований в Эвенкийском муниципальном районе.

Вывод

Экспертами в пос. Тура Эвенкийского муниципального района Красноярского края выступили сотрудники МБУК «Эвенкийский краеведческий музей», в котором собрана интересная коллекция произведений эвенкийского декоративно-прикладного творчества, а также известные мастерицы, обладающие большим опытом и знаниями в данной сфере. Еще одно пре-

№	Дата	Интервьюер	Организация	Интервьюируемый	Итог
1	16.08.17	Филько А.И.	Этнопедагогический центр	Лапуко Гульнара Кимовна, сотрудник эвенкийского краеведческого музея (социокультурная деятельность)	Экспертное интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии.
2	16.08.17	Филько А.И.	На дому	Удыгир Вячеслав Арсениевич, депутат районного совета депутатов	Интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии.
3	17.08.17	Филько А.И., Стручева Е.С.	Эвенкийский краеведческий музей	Ирена Антано Вайшнорайте, работник музея, главный хранитель фондов	Ознакомление с фондами музея и экспозицией; экспертное интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии; получение списков предметов ДПИ, хранящихся в фондах с инвентарными номерами; согласие на дальнейшее сотрудничество с музеем и на использование оцифрованных произведений.
4	17.08.17	Филько А.И., Стручева Е.С.	На дому	Сафьянникова Тамара Михайловна, мастерица, автор книг по ДПИ	Интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии и о творчестве самой

					мастерицы; видеозапись интервью, демонстрации произведений, а так же процесса работы над произведениями; фотографии работ; книга по эвенкийской культуре и ДПИ «Радуга красок Сонкана».
5	17.08.17	Замараева Ю.С., Сергеева Н.А.	На дому	Хутокогир Валентина Анатовна, мастер по ДПИ, швея	Интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии и о творчестве самой мастерицы; фотографии работ.
6	17. 08.17	Филько А.И., Стручева Е.С.	На дому	Увачан Станислав Игоревич, мастер по ДПИ, охотник	Интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии и о деятельности самого мастера; видео с демонстрацией произведений ДПИ и их особенностей.
7	17.08.17	Замараева Ю.С.	На дому	Удыгир Наталья Максимовна, мастер по ДПИ, швея	Интервью по современному состоянию ДПИ в Эвенкии и о творчестве самой мастерицы.
8	18.08.17	Филько А.И., Стручева Е.С.	Культурно- досуговый	Воробьёва Светлана	Получение списка мастеров посёлка

			центр	Викторовна, директор культурно- досугового центра	Тура.
--	--	--	-------	--	-------

Таблица 1. Полевые исследования в Эвенкийском муниципальном районе, поселок Тура

имущество данных экспертов проявляется в том, что все они являются носителями культуры, говорят на эвенкийском языке.

Экспертами выступили И. А. Вайшнорайте, Г. К. Лапуко, Т. М. Сафьянникова, Н. М. Удыгир, В. А. Хутокогир. Беседы с ними продемонстрировали высокий уровень знаний в сфере ДПИ и общие взгляды на его развитие в Эвенкии.

Например, эксперты единогласно отмечают востребованность производства художественных изделий. Представители власти, учреждений культуры, и простые жители Эвенкии заказывают пошив национальной одежды. Особой популярностью пользуется повседневная одежда для охотников и рыбаков (теплая и удобная), а также праздничная, расшитая бисером, украшенная орнаментом для знаменательных дат. Появиться на мероприятии в расшитой парке или с меховой сумочкой — значит, быть в тренде. Растет и популярность сувениров с этнической атрибутикой. Не только туристы, но и сами носители культуры приобретают чехлы для телефонов, брелки. Наибольшей популярностью пользуются изделия из меха оленя, наиважнейшего животного для культуры Эвенкии.

Спрос на развитие ДПИ связан не только с растущим самосознанием эвенков, но и грядущими событиями. В связи с проведением Универсиады в 2019 году, появляется разговор о поточном производстве изделий как сувенирной продукции, для продажи иностранным гостям, подарков участникам Универсиады.

Растущий спрос неоднозначно воспринимается мастерицами. Так как уже сейчас среди изделий ДПИ заметен отход от традиционных способов производства, утрата традицион-

ных функций предметов. Материалы становятся современными, тканными, бисер теряет качество, орнамент теряет сакральное значение. Очень много стилизации в изделиях ДПИ: смешиваются орнаменты разных этносов, детали мужской и женской одежды. Это, с одной стороны, считается допустимым — если на сцене, а не в тайге, с другой стороны, очень возмущает и оскорбляет тех, кто прекрасно разбирается в традиционной культуре. Большее значение придается яркости и красоте, а не смыслу, который сегодня могут считать далеко не все представители культуры.

Большой проблемой является утрата культуры преемственности ремесла. Если раньше данные навыки переходили от матери к дочери, от отца к сыну. То современные молодые люди не испытывают сильного желания заниматься шитьем или плетением сетей. Несмотря на то, что в школах есть предметы труда и народного творчества и при Центре народной культуры работают кружки рукоделия, желающих овладеть навыками работы с мехом и кожей немного. Для современных жителей Севера купить современную люльку для младенца, одежду или лыжи на рынке стало проще. Особенно остро этот вопрос стоит в крупных поселках. Оторвать молодежь от гаджетов — непосильная задача. В отдаленных поселках, где в основном проживают только эвенки, традиции сохраняются лучше. Основные мастерицы приехали в Туру именно из таких мест.

Мастерицы вспоминают детство, в котором многое еще было — изготовление ровдуги, лыж, выделка шкур скребками, шитье жильными нитками. Все то, что имело важное значение для обыденной жизни человека. Сегодня — это утраченные навыки.

Эксперты отмечают необходимость восстановления преемственности культуры через работу с самыми маленькими представителями эвенкийского общества, через образование в детском саду и школе.

Например, Тамара Михайловна Сафьянникова — знаменитая мастерица, автор нескольких книг о декоративно-приклад-

ном искусстве Эвенкии, методист по декоративно-прикладному искусству в МОУ ДПО «Эвенкийский этнопедагогический центр повышения квалификации», бывший член Всероссийского методического Совета по декоративно-прикладному искусству в ходе интервью поделилась секретами своего мастерства и особенностями эвенкийского декоративно-прикладного творчества. Она сказала, что декоративно-прикладным искусством нужно жить, не видеть себя без этого. Мастерица сетует, что навык изготовления традиционных декоративно-прикладных изделий теряется, современные мастера уже не так ловки и умеют изготавливать далеко не все, что умели их предки. Тамара Михайловна считает, что молодых мастеров необходимо обучать традиционному искусству, поддерживать их, награждать званием «Мастер прикладного творчества Эвенкии» для повышения престижа традиционного ремесла.

Полевые исследования на территории Таймырского Долгано- Ненецкого муниципального района Красноярского края

Полуостров Таймыр — уникальная северная территория, где проживают представители пяти коренных малочисленных народов Севера: долганы, ненцы, энцы, нганасаны и эвенки. Таймыр — граница, как в географическом смысле, так и в культурном значении. Здесь пересекаются традиции аборигенного населения и обычаи пришлых этносов, наследие предков сохраняется в условиях интенсивного промышленного развития Севера. Таймыр — это пространство встречи глобальной цивилизации и этнических культур.

Рабочая поездка в г. Дудинку была плодотворной. В период с 28 июля 2017 года по 31 июля 2017 сотрудниками кафедры культурологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» Н. М. Лобаковой и Е. А. Сертаковой были взяты экспертные интервью у специалистов, работающих в сфере культуры КМНС, а также у мастеров, создающих произведения декоративно-прикладного искусства.

Средоточием сохранения традиций северных этносов, проживающих на Таймыре, является «Чум» (КГБУК «Таймырский Дом народного творчества»).

В ходе беседы с директором Любовью Юрьевной Поповой были обсуждены общие тенденции развития декоративно-прикладного искусства, проекты, реализуемые в «Чуме» (так неофициально называется Таймырский дом народного творчества), которые позволяют сохранять чистоту традиций народов, проживающих на Таймыре.

Рис. 1. Город Дудинка — административный центр Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края. Фото 2017

Любовь Юрьевна также рассказала об образовательных учреждениях, в которых можно научиться мастерству создания произведений декоративно-прикладного искусства — в Норильском и Таймырском колледжах.

В «Чуме» были проведены беседы со знаменитыми мастерами-косторезами — долганином Николаем Михайловичем Киргизовым и нганасанином Алексеем Николаевичем Чунанчаром.

А также с мастерицами — ненкой Анной Павловной Яроцкой и долганкой Мариной Федоровной Ярославцевой.

Мастерицы продемонстрировали аутентичные одежды, находящиеся в коллекции Дома народного творчества, сшитые по древним лекалам и образцам, а также стилизованные современные парки, рассказали о смыслах, заключенных в орнаментах северных народов, поделились личной историей того, как

Рис. 2. Таймырский Дом народного творчества. Фото 2017

они пришли в профессию.

Марина Федоровна, например, является выпускницей Норильского колледжа искусств, именно там она приобрела навыки работы с разными материалами, научилась видеть в одежде знаки, которые рассказывают многое о жизни человека.

Косторезное искусство является наиболее успешно развивающимся промыслом в настоящее время. Мастера-косторезы показали свои произведения и рассказали об исканиях, которые они хотят выразить в таком природном материале.

Болина Татьяна Васильевна — методист по эвенкийской культуре, показала редкие архивные фотографии предметов ДПИ в повседневной жизни таймырских эвенков XX века, и рассказала об отличии ДПИ здешних эвенков от тех, которые проживают в Эвенкии.

Рис. 3. Попова Любовь Юрьевна. Фотография взята с официальной страницы Facebook

Главная задача, которая решается усилиями всех сотрудников заведения — это сохранение традиций КМНС. Для этого на базе учреждения проводится целый ряд мероприятий, работают секции косторезного промысла «Мамонтенок», кружки пошива одежды, реализуется творческая лаборатория и т. д.

Местом сохранения традиций выступает также Таймырский краеведческий музей.

Особую роль музей сыграл в советский период времени, когда этническая принадлежность каждого отдельного человека была не особо значима. Благодаря труду сотрудников музея в состав коллекции вошли редкие артефакты, сохранившие культурную память КМНС. Здесь были проведены беседы с заместителем директора по научной работе — Лейлой Александровной Ландиной, главным хранителем фондов — Ириной Анатольевной Скатовой и художником, косторезом — Владимиром Сергеевичем Таранцом. Владимир Сергеевич — очень интересный человек. Он родился, вырос и получил профессиональное образование архитектора в Украине, но за более чем

Рис. 3. Николай Михайлович Киргизов. Фото 2017 г.

тридцатилетнюю жизнь на Таймыре, проникся духом Севера и погрузился в косторезный промысел. После долгой и крепкой дружбы с выдающимся художником Таймыра — Мотюмяку Турдагиным, в шутку стал называть себя «Тараненцем».

Городской Центр народного творчества является еще одним пространством, где сохраняются и развиваются этнические традиции.

Директор данного учреждения — Марина Геннадьевна Жаркова, помогла разобраться в тонкостях ДПИ народов, населяющих Таймыр, а зам. директора — Евгения Петровна Бети познакомила с деятельностью ГЦНТ, мастерами (долганином косторезом Андреем Аркадьевичем Поротовым, мастерицами, владеющими секретами создания аутентичных изделий из меха и тканей, и, конечно же, с произведениями ДПИ. Сама Евгения также является искусной мастерицей.

Рис. 4. Алексей Николаевич Чунанчар. Фото 2017 г.

В целом можно отметить, что для ДПИ находится место и в современной жизни северных народов. Конечно, в обыденной жизни не надевают парки и бакари, но с удовольствием и гордостью все значимые праздники и торжественные события на Таймыре встречают в одеяниях, созданных согласно традиции предков.

Вывод

В ходе интервью со специалистами в области декоративно-прикладного искусства и мастерами были получены сведения, на основе анализа которых можно сделать ряд выводов о современном состоянии декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Севера Красноярского края.

Рис. 5. Анна Павловна Яроцкая и Марина Федоровна Ярославцева. Фото 2017 г.

1. Специалисты отмечают рост интереса к декоративно-прикладному искусству. Представители коренных народов, проживающих на Таймыре, активно интересуются традициями и корнями своей культуры, многие обращаются к изучению практик создания произведений декоративно-прикладного искусства не только в качестве хобби, но и в качестве профессиональной деятельности. Так, для мастеров, с которыми были проведены интервью, создание косторезных произведений, шитьё традиционной национальной одежды является основным занятием. Также необходимо подчеркнуть, что работать с костью, создавать традиционные вышивки учатся не только представители коренных малочисленных народов севера, но и представители других этносов.

Рис. 7. Аутентичная нганасанская парка из коллекции КГБУК «Таймырский Дом народного творчества («Чум»), г. Дудинка

2. Сохранение традиций создания произведений ДПИ осуществляется на двух уровнях: *официальном* — посредством обучения молодежи в Норильском и Дудинском колледжах, организации кружков (таких как «Мамонтенок»), а также путем проведения просветительской работы и популяризации искусства коренных народов, *неофициальном* -- на уровне семьи от старшего поколения к младшему передаются навыки шитья традиционной одежды и обуви, работы с мехом, с костью мамонта и рога оленя.

Рис. 8. Современные национальные костюмы народов Таймыра, изготовленные мастерицами КГБУК «Таймырский Дом народного творчества («Чум»», г. Дудинка

3. В коллекциях Краеведческого музея, Дома народного творчества и Центра народного творчества сохраняются древнейшие образцы — памятники декоративно-прикладного искусства, собранные в ходе этнографических экспедиций, а также принесенные в дар.

4. Создаются современные произведения декоративно-прикладного искусства. Среди них существует четкое разграничение произведений стилизованных, созданных по мотивам национальных традиций, например, платья с элементами традиционных узоров, воротники и пояса, которые надеваются на современную одежду, и произведений аутентичных, созданных в полном соответствии с традициями, причем, не только внешних элементов, но и ритуальных практик. Причем, многие жители Севера предпочитают зимой надевать бакари и унты — традиционную обувь, созданную вручную по индивидуальному заказу. Такая обувь, по своей способности сохранять тепло, превосходит современную, созданную на производствах. При ношении традиционной одежды соблюдаются и обычаи: так, например, никогда мужчина не наденет жен-

Рис.9. Выставка работ мастеров-косторезов КГБУК
«Таймырский Дом народного творчества («Чум»), г. Дудинка

ской одежды, а женщина мужской.

5. Современные произведения декоративно-прикладного искусства являются востребованными на художественном рынке. Ценятся как предметы, которые могут быть каким-то образом использованы (флэш-карты, ножи, карандашницы), так и полностью декоративные обладающие только эстетической ценностью.

Рис. 10. Татьяна Васильевна Болина, методист по эвенкийской культуре, КГБУК «Таймырский Дом народного творчества («Чум»), г. Дудинка

Рис. 11. КГБУК «Таймырский краеведческий музей», г. Дудинка

Рис. 12. Владимир Сергеевич Таранец рассказывает об особенностях работы с костью. КГБУК «Таймырский краеведческий музей», г. Дудинка

Рис. 13. МБУК «Городской Центр народного творчества», г. Дудинка

Рис. 14. МБУК «Городской Центр народного творчества», г. Дудинка

Рис. 15. Марина Геннадьевна Жаркова, директор МБУК
«Городской Центр народного творчества», г. Дудинка.
Фотография предоставлена ГЦНТ

Рис. 16. Евгения Петровна Бети, и.о. заместителя директора
МБУК «Городской Центр народного творчества», г. Дудинка

Рис.17. Андрей Аркадьевич Поротов, мастер-косторез МБУК
«Городской Центр народного творчества», г. Дудинка

Рис.18. Мастерницы МБУК «Городской Центр народного творчества», г. Дудинка

Рис.19. Мастерницы МБУК «Городской Центр народного творчества», г. Дудинка

Рис.20. Памятный знак «Итыл» МБУК «Городской Центр народного творчества», г. Дудинка

Рис.20. Чаепитие в чуме. МБУК «Городской Центр народного творчества», г. Дудинка

Экспертные интервью

Рис. 21. И. А. Вашнорайте и А. И. Филько. п. Тура. Фото 2017

Экспертное интервью с И. А. Вашнорайте, главным хранителем фондов МБУК «Эвенкийский краеведческий музей» Эвенкийского муниципального района Красноярского края

И.А.: В этом году Эвенкийскому краеведческому музею исполняется 90 лет. В 1927 году при школе был создан краеведческий уголок. С этого времени и начинается история музейной коллекции и самого музея.

И.: Осталось не так много времени до крупного юбилея. У вас хорошая коллекция декоративно-прикладного искусства (далее — ДПИ). Расскажите, какие виды ДПИ распространены у коренных народов Сибири в целом и Эвенкии, в частности?

И.А.: В целом, ДПИ в Сибири я больше связываю с одеждой.

Это — и пошив традиционной одежды, и ее украшение. То есть, то, что было наиболее необходимо в практике. Я не думаю, что эвенки резали по кости. Вообще данный навык распространен у некоторых народов Севера, но у эвенков не очень. Насколько я знаю, образцов резьбы по кости у нас практически нет. У нас также мало предметов, связанных с резьбой по дереву. Живопись появилась не так давно, это скорее современное веяние, потому что я не наблюдала, что традиционно это было как-то распространено. Мы, как сотрудники музея, больше обращаем внимание на традиционные вещи: на одежду, домашнюю утварь, орнаментированные ухваты, скребки, посохи и т. д. Орнаментированные изделия из металла и дерева мы тоже рассматриваем как произведения ДПИ.

И.: А вы не подскажите, наблюдался ли перерыв в традициях создания изделий ДПИ? Например, в советскую или постсоветскую эпоху.

И.А.: Нет, перерыва, я думаю, как такового не было. Поскольку эвенки уже почти не живут в тайге, не кочуют с оленями как раньше. Поэтому естественно, что в одежде произошли изменения, эвенки перешли на современную одежду. Просто изменилась направленность ДПИ. Мы видим, скорее, художественный подход к изделиям, нежели практичный. Одежда шьется больше для красоты сейчас.

И.: Как вы думаете, насколько качественно коренные народы Сибири могут сегодня восстановить архаичные традиции художественных произведений?

И.А.: Я думаю, что могут, да. Есть у нас мастера, которые придерживаются именно традиционного орнамента, традиционного подбора цветовой гаммы, поэтому я думаю, что они на это способны. Вот у нас есть Сафьянникова Тамара Михайловна, которая помимо того, что шьет, еще и книги пишет, где рассказывает именно о традиционных орнаментах, традиционных способах вышивки. Она несколько книг написала. Это очень хорошие книги, их сейчас молодые мастерицы как настольную книгу держат. Есть среди них — «Радуга красок Сонкана». Я тоже туда иногда подглядываю, хотя я не мастери-

ца, но иногда тянет и меня к вышивке.

И.: А вот сохранилось ли традиционное содержание символов, знаков в произведениях ДПИ? Или мастера только копируют их внешний вид?

И.А.: Если говорить сейчас о молодых мастерицах, то я думаю, что, конечно, они больше копируют знаки, не задумываясь об их содержании, о значении орнаментов. А вот, кто постарше, они знают, что какой орнамент обозначает. Где там гусиная лапка или заячий след и т. д. Пока еще это встречается. Вполне возможно, что и среди молодежи есть те, кто к традициям ближе, кто знает содержание некоторых традиционных орнаментов.

И.: Можно ли говорить о художественной стилизации в ДПИ?

И.А.: Да.

И.: Она широко распространена?

И.А.: Не сказала бы, что широко, но есть. Есть некоторые приверженцы именно традиционного подхода в создании ДПИ, они не приемлют вообще стилизации. Но я считаю, что если это изделия не предназначены для тайги, то можно допустить и присутствие стилизованных под традиционные образы элементов.

И.: А насколько распространены традиционные элементы в повседневности? В одежде, обуви, сумках, например.

И.А.: Нет, уже практически нет их. Это только про обувь можно говорить, унты все носят. В унтах оставляют и пошив традиционный, и орнаменты. Я имею в виду, что вышивка бисером тоже присутствует на унтах. А так в повседневной жизни, наверное, кроме обуви ничего не осталось.

И.: А как происходит обучение мастеров и мастериц навыкам изготовления ДПИ? Они этому учатся в семье или существует система образования?

И.А.: Система образования существует. У нас в Туре есть школа-интернат. И еще одна школа, я не знаю, как она сейчас называется, но детей там обучают этому. В школе-интернате есть занятия с уклоном в традиционную культуру. Там больше

эвенкийский язык изучается, у них это обязательный предмет. И есть факультативы, где вышивают бисером. И еще, по-моему, в техникуме ремеслу учат. В нашем техникуме, или лицее, я не помню, как он сейчас правильно называется, ребята ходят в Центральный Дом народного творчества и обучаются косторезному промыслу. Даже изделия на продажу делают. Но они там точно уже стилизованные.

И.: А как вы считаете, какой способ лучше — система школьного образования или все же обучение у народного мастера, либо передача данных знаний и умений в семье. Какой эффективнее?

И.А.: Случаев того, чтобы прямо в семье обучали, я не знаю. Вообще я думаю, что лучше всего в школе происходит обучение. Все равно там мастера работают с детьми. Через образование передача традиций идет. Я думаю, что и Центр народного творчества должен подключиться и кружки создать, чтобы дети приходили и также обучались народному искусству.

И.: Нужно ли детям из коренных народов Сибири обучаться ДПИ в обязательном порядке?

И.А.: В обязательном, скорее нет. Я считаю, если есть у ребенка способности, тогда они рано или поздно все равно проявятся, и он заинтересуется этим. Ну и мастера могут обратить внимание на того ребенка, у которого есть такие способности.

И.: Какие форматы развития ДПИ вам кажутся наиболее перспективными на сегодняшний день? Какие формы: одежда, резьба по кости?

И.А.: Так вот не могу сказать. Я бы все-таки на одежде как-то остановилась. Хочется, чтобы на наших мероприятиях, праздниках можно было видеть традиционную одежду. Резьба по кости в меньшей степени мне кажется перспективной, так как данное ремесло не так близко эвенкийскому народу. Она использовалась только для украшения каких-то деталей: луки седел, например, украшались резьбой. Я не видела, чтобы из кости фигурки резали раньше. Мне хочется, чтобы традиционное что-то сохранилось. Хотя я и не противник стилизации,

но хочу, чтобы традиции жили и чтобы можно было на произведениях ДПИ рассказывать историю нашего народа.

И.: Вы уже упоминали до этого свое отношение к вопросу об изменении традиций в ДПИ. Происходит модернизация, используются новые материалы, применяются новые технологии. Как определить, где проходит черта, за которой традиционные произведения перестают быть таковыми и, возможно, превращаются в предмет рынка, сувенирную продукцию? Сейчас же гораздо проще с этим. При помощи новых технологий и каких-то инструментов можно упростить, ускорить процесс создания изделия. Есть разница между традиционным способом изготовления ДПИ и способом современным, с использованием новых технологий, инструментов, материалов?

И.А.: Если это какой-то массовый формат имеет, изготовление каких-то сувениров, я думаю, ну и ладно, пускай. Хотя меня иногда коробит, что в одном изделии смешивают элементы нескольких культур. Когда, допустим, на сценическом эвенкийском женском костюме нагрудник мужской расположен. Меня это задевает. Он выглядит красиво, если со сцены смотреть. Но, из-за того, что я знаю, что это мужской нагрудник, мне уже не нравится такой костюм. Мне хочется, чтоб он более традиционным был. Я понимаю, что на сцене от стилизации никуда не уйти, но хотелось бы, чтобы если выступали национальные коллективы, то они были бы в правильных традиционных костюмах.

И.: Это введение в заблуждение.

И.А.: Да. Если это просто сувенир какой-то, например, подставка для ручки, пускай оно будет с использованием современных материалов. Но при этом какие-то элементы традиционные, орнамент, допустим, чтобы был эвенкийский, а не ханты-мансийский или какой-нибудь еще.

И.: Как вы думаете, можно ли поставить производство художественных произведений ДПИ на поток? Или это уникальные вещи?

И.А.: На поток, конечно, поставить можно, но тогда утрата уникальности ДПИ. Если говорить про мастериц, то они

все равно на поток это не поставят, они к своим изделиям трепетно относятся, индивидуально к каждому подходят. Нет того, чтобы они одно и то же копировали без конца. Все равно меняется орнамент, цветовая гамма. Поэтому такие произведения на поток уже не поставишь. Если брать традиционный материал: бисер, сукно, замшу, пускай даже она будет искусственная, мастерица работает с ним вручную, как с индивидуальным предметом.

И.: Тогда есть вопрос, действительно ли художественное произведение отражает древние традиционные знания или речь идет о современных воображаемых идентичностях? То, о чем вы говорили, когда в одном изделии смешиваются знаки нескольких народов. Я так поняла, что те мастерицы, которые традиционно занимаются ДПИ — сохраняют знания, а те, кто сувениры делают — уже нет.

И.А.: Я современных мастеров очень мало знаю, но с кем я общалась, из тех, кто только заинтересовался вышивкой бисером, они, мне кажется, не задумываясь, просто копируют. Смысловую нагрузку орнамента они не определяют. И цветовую гамму не соблюдают, все смешивают. Хотя у эвенков и было сочетание практически несочетаемого, но все же предпочтения по цвету были. Эвенки любили зеленый цвет. И даже давно, когда купцы сюда приходили, они учитывали предпочтения эвенков. Писали даже о том, что эвенки предпочитают зеленый бисер. Поэтому и везли сюда по большей части именно его.

И.: А возможно ли появление новых направлений в ДПИ КМНС?

И.А.: Резьба по кости — это уже новое направление, потому что у нас раньше ее не было. И мастеров сейчас в резьбе не так много, потому что это новое направление. Оно интересное, да. Но не традиционное.

И.: Нужны ли новые исследования художественных произведений ДПИ?

И.А.: Современного состояния?

И.: В целом, считаете ли вы, что это нужно изучать?

И.А.: Изучать всегда нужно. Всегда можно что-то интересное найти. Изучать еще нужно для того, чтобы передать потомкам традиционные значения и символы, чтобы это знание не умерло, чтобы было.

И.: Различаются ли стили ДПИ в зависимости от региона проживания эвенков?

И.А.: Да, различаются. Но основные черты все же сохраняются. Даже у нас в Туре, в Суринде, байкитской группе поселений орнаменты немножко отличаются. Отличается немного пошив одежды, покрой. У эвенков по России тоже отличается. Если с китайскими эвенками сравнивать, там еще больше отличий. Есть оленные эвенки, есть безоленные. У оленных эвенков распахной был кафтан, чтобы можно было легко на оленя запрыгнуть, а у других эвенков иначе запахивался. Поэтому одежда отличается, например, в зависимости от традиционного вида деятельности и от места проживания. В Китае больше уже с китайским таким налетом одежда эвенков. Но есть и общие черты. И я слышала о том, что Китай пытается привести эвенков к какому-то единообразию.

И.: У вас в коллекции музея есть примеры различий?

И.А.: Примеры различий... Есть, если брать резьбу, седла, луки для седел, там можно увидеть, что у северных эвенков, которые общались с якутами, в орнаменте появляются другие линии, более волнистые, появляется растительный орнамент, волны и т.д., заметно смешение культур. Но в одежде, которая есть у нас в коллекции, почти и не видно их.

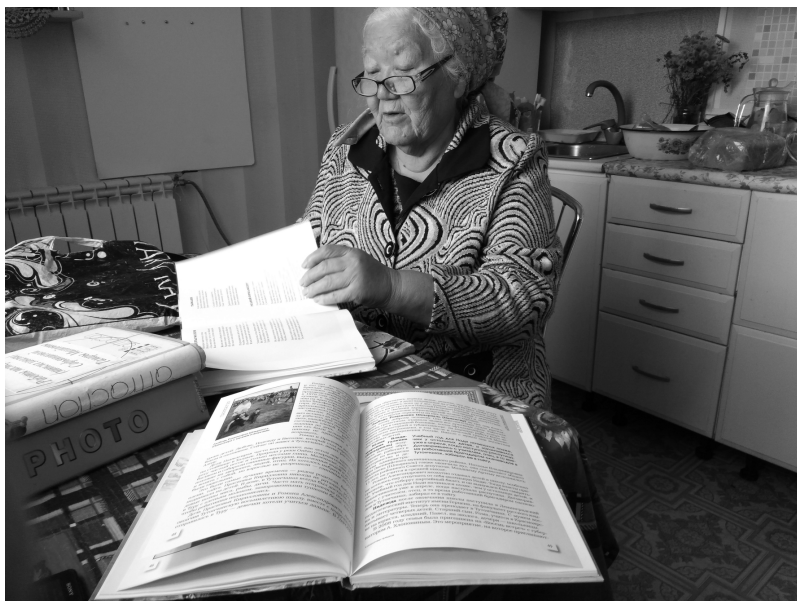

Рис. 22. Т. М. Сафьянникова, эвенкийский мастер декоративно-прикладного искусства

Экспертное интервью с Тамарой Михайловной Сафьянниковой известным эвенкийским автором, декоративно-прикладного искусства, активной пропагандисткой эвенкийского языка, культуры и обычаев

Т.М.: Мама все рассказывала: они после охоты уезжали в город — в Киренск — и там торговали с купцами. Привозили пушнину, мясо, и за это, по рассказам родных, навьючивали зимним обозом (это оленей, может быть, 20, санок 10 или 20), и все привозили оттуда: сахар, масло, ткани. Мама говорила, что все рулонами или тюками привозили. А до этого 6 девок у них было в семье, отец всем сундуки купил — на выданье. Потом купил швейные машинки. Привозили, в общем, вся-

кое — бисер, ткани, и они принимались шить одежду. Сукно, допустим, привозили — зипуны шили. В то время же ничего не было в магазинах, после войны. Я помню, абсолютно у нас в деревне ничего: ни ткани, ни одежды никакой. Ну и начинали шить. Поэтому все они умели шить на руках и на машинках. Тетка моя Полина Борисовна, она в войну всем женщинам шила платья, пальто перелицовывали на другую сторону, чтобы новее выглядело. Колхозники давали продукты за шитье — картошку, молоко. Раньше ведь меновая была торговля. У северян отсутствовали деньги.

И.: А как Вы начали заниматься шитьем, творчеством?

Т.М.: Освоила точечную роспись. Стараюсь узоры делать. Для развлечения однажды увлеклась плетением из бисера. Вот салфетки разные, бутылки обвязывала, вышивала цветы, ягоды всякие. Никогда никуда эти произведения не ношу, считаю, их русскими, что ли. А вон эвенкийские игольницы.

И.: А «Радуга красок сонкана» — это ведь ваша книга?

Т.М.: Ага, это потом. Вот здесь еще точечная роспись. Эвенкийский орнамент, олени.

И.: А что означает данный орнамент?

Т.М.: Бивни мамонта. Это аюкта. У нас немного элементов в узоре. В основном, в полоску вышивали. Вот аюкточки есть, вот тэнирэк (волнистые линии). А «аюкта» — по-эвенкийски «звездочка». Здесь я занималась вышиванием лентами. Мне понравилось вышивать лентами. Вот и швейная машина. И такая, и такая. Плохо вижу, купила оверлок. Вот ножны вот. Вон икону внучка вышила. Вся семья занимается рукоделием.

И.: Они от вас это переняли?

Т.М.: Конечно!

И.: Они сами проявляли интерес?

Т.М.: Сами. Дочь моя — врач, давно уже шьет. Много изделий сделала. Вот рукавицы из кролика. Выращивал зять кроликов, и я рукавички сшила такие.

И.: И орнамент тоже традиционный, эвенкийский?

Т.М.: Да, наш, эвенкийский. Куликар (витой орнамент), вот такие гусеницы бывают в чуме иногда. Когда ползают, вот

так же закручиваются. Это коврики, традиционные эвенкийские кумаланы, которые стлали в переднем углу чума для важных гостей, еще ими накрывали вьюки. А вот из бисера начала коробочку делать, игольницу. Вот такие коробочки делали — игольницы, большие шили. Такие большие иногда шили, что на вьюк ставили, привязывали к вьюку, сверху ставили на оленя, и так возили. Потому что там, в этой игольнице, были сухожильные нитки, ножницы, нож острый, сами сухожилия, заготовки, вышивки, бисер — все там находилось. Сейчас мы начали терять навык, не умеем выделявать из оленьей шкуры кожу, замшу («ровдуга» называлась, «нечуксэ» — по-эвенкийски). Разучились. Хотя я-то знаю, как это делала мама моя, как получали кожу из шкур. Потом я умею, допустим, из сухожилий, взятых со спины оленя, делать нитки сухожильные, очень прочные, которые не намокают. Волокна отделяли друг от друга, а потом садились на пол, на землю, или на шкуры у костра, у очага, и начинали плести нитки из сухожилий, на голом колене сидели и ссучивали. Крепкие эти нитки, прочные. Они нужны были, чтобы шить одежду. Ниток тогда капроновых не было. Сухожильные выдерживают все, никогда не сгниют, никогда не испортятся, они всегда будут держать хорошо подошву, например. Вот это мы теряем, значит. Нити сухожильные не умеем делать, вот камус умеем выделявать, а шкуру, кожу — уже разучились, сейчас никто не делает. Последняя была Валя Удыгир с Кислокана, ее сейчас нет. В Суринде тоже ушли люди, которые умели выделявать. Моя мама выделявала, хорошо помню, как выделявала, технологию, как выделявали замшу («нечуксэ» называется).

Т.М.: В мае начинается отел оленей в тайге, этот месяц называется сонкан — май, когда все цветет, жизнь радуется. «Радуга красок сонкана» — моя книга. Вот раздел про материальную культуру. Такие изделия я шила, это все мои работы. А вот это музейные экспонаты, конечно. Вот ик мой («ик» — мешок для инструментов). Чучун, кэдэра, у (инструменты). «У» — это скребок. Бисер, производство, применение... Орнаменты дальше идут эвенкийские. Эти данные я собирала

Рис. 23. Производство декоративно-прикладного искусства.
Автор Т. М. Сафьянникова. Фото 2017.

у народных мастериц и из книг ученых — Василевич, Ивановой, Карловой. Я учу орнаментам и курсы провожу, теперь хорошо за это взялись у нас в Эвенкии. Говорят: «По вашим книгам учимся». Вот наши орнаменты, вот подделки мои, вот ножны, вот обувь, сшитая из ровдуги, летняя, вот игольница, а вот набедренник. Вот показываю, как надо вышивать, по трафарету, а где и без трафарета. Вот мои поделки, сейчас такую сумочку шью. Это кисет. С красивым кисетом из ровдуги, вышитым бисером, украшенным бусами, кистями, сват ехал сватать невесту — отец жениха. И когда приезжал сват, сидели напротив друг друга: отец с невестой с одной стороны, а с другой стороны садится отец с женихом. И вот трубку раскуривали, трубку вытаскивали из красивого кисета — это значит, они пришли с добром, пришли свататься, это кисет показывается. И вот, он вытаскивает трубку из кисета (там табак и трубка в кисете, «хутакан» по-эвенкийски), набивает полную ее таба-

Рис. 24. Произведения декоративно-прикладного искусства.
Автор — Т. М. Сафьянникова. Фото 2017 г.

ком и подает напротив сидящему отцу, чтобы он ее раскурил. Отец постоянно сидит, пошевеливает как хозяин чума огонь в костре, в очаге, если отец невесты не согласен, то он не будет раскуривать трубку, а если согласен, то раскуривает ее — это знак согласия — и подает обратно отцу жениха. Вот так свата-ли.

Т.М.: И дальше (в книге) обработка меха идет, изготовление ровдуги, выделка шкуры соболя, лисы, характеристика шкуры, пошив головных уборов, капоры вон нарядные (охотничьи капоры не украшали), вот обувь из камуса. Вот эти унты я шила на продажу. Вот тапочки ровдужные, вот из летнего камуса оленя, белочкой опушенные. Вот костюм старинный эвенкийский. Это я все шью: для инструментов, коврики такие круглые (это символ солнца, символ тепла, символ счастливой семейной жизни), это игольницы, это набедренники. Вот эти костюмы я шила, нагрудник... Посмотрите мои альбомы, поделки.

Это все декоративно-прикладное искусство. Материальную культуру еще не потеряли мы, шьем унты, зипуны, и нагрудники, и все остальное.

И.: А люди носят в обычной жизни эти вещи?

Т.М.: На сцене выступают.

И.: Только на сцене?

Т.М.: Нет, и носят иногда. Такую одежду и обувь в оленеводстве носят. Практично. А сумочки для красоты в основном.

И.: А материалы, какие используете?

Т.М.: Бисер, бусы.

И.: Меха и кожу где берете? Покупаете или Вам привозят?

Т.М.: Ой, сейчас такие дорогие вот эти шкурки, камусы.

И.: Вы стараетесь использовать традиционные материалы?

Т.М.: Да.

И.: Нам в Краеведческом музее говорили, что современные рукодельницы много используют искусственных материалов и не используют традиционные. Они их заменяют той же самой искусственной замшей.

Т.М.: Настоящая мастерица придерживается все-таки традиционной культуры. Видите, и соболь у нас ценится, и россомаха, и даже собака (только сейчас ее нельзя убивать). Вот изделия из настоящей заводской замши. Шарфик современный, а раньше шарфики делали из хвостов белки, соединяли их (надо уметь тоже). Они такие пушистые были, вокруг шеи надевали охотники, а женщины — на голову, как повязку. «Вач» назывались такие шарфы из беличьих хвостов.

И.: А много хвостов уходило на один такой шарф?

Т.М.: Конечно, очень много. Раньше-то из белки что-то шили и поэтому накапливались хвосты. Даже одеяла шили заячьи, беличьи. Мама шила нам шубки. А у нас особый покрой детской шубки. Вот тут, видите, тоже хочется что-нибудь национальное — орнаменты национальные, и хвосты.

Т.М.: Вот красивые такие «солнышки» шью. Сумочек много я шью. Это эвенкийский, «сложный» называется, орнамент.

И.: Он из нескольких элементов состоит?

Т.М.: Да, потому что мы же не одни... Иванов особенно мно-

го собрал орнаментов. Это на курсах я выставку делала такую. Это бабочки, сова, глухарь... Там все я показывала им, воспитателям, учителям курсы давала. А сейчас даже ходить не могу. Это эвенкийские рукавички, это ноговицы до колен, вот такие вместо чулок. Делать нечего в тайге — женщины шьют ноговицы («дялакар» называются по-эвенкийски). Это сова — таймырская священная птица, а у нас священная птица — гагара. Вот видите, сколько за жизнь пришито бисеринок, сколько-сколько, вы даже представить не можете.

Вот спинка зипуна нарядная... Кстати, у якутов одежда не украшалась, это у нас только. Если чего они и шьют, то перенимают, наверное. А орнаменты у них с закруглениями, красивые. А у нас, в основном, геометрические. Но все равно, вот на востоке они ассимилировались — эвенки там с закруглениями вышивают. Нитками раньше вышивали, но в основном бисер. Бисер очень берегли, ценили раньше. Одна бисерина из нефрита стоила целого оленя, об этом в исторических источниках пишется. А вот моя сумка меховая из лбов, настоящая. Из лбов забитого оленя шили сумки и кумаланы, ковры шили. Вот парки настоящие: детская с капюшоном и взрослая. Так они умели их шить красиво, видите! Всегда я восхищалась кроме настоящей мастерицы парок, обуви. Они умели красиво делать подрезку шерсти. Ее надо правильно ложить по направлениям, правильно подрезать лишнюю шерсть по краям, чтобы ровно-ровно было. А сейчас-то молодежь ничего не знает этого. Я учила их, я же труды вела и ДПИ вела здесь, лет 10 или 15, в интернате. На выставках бывала много раз, мои изделия в Канаде были, потом в Женеве...

Вот набедренник, который надевали с обеих сторон на бедра, и делали кисти длинные из замши, из бус. Вот фрагменты зипуна («даку» называется). Все названия верхней одежды знаю. Зипун, видите, старинный. Какая красивая спинка! Это все материальная культура... Вот настоящий традиционный кумалан, который я сама шила. Это мои работы сувенирные и ученицы моей. В Москве были по декоративно-прикладному творчеству, я там выступала. Много раз была в Москве,

Ленинграде. В Москве на ВДНХ возила школьные поделки, мне медаль вручили, а девочке-ученице — «Юный участник ВДНХ».

Однажды было такое мероприятие, когда со всех уголков собирали тех, кто занимается декоративно-прикладным искусством. И там, на большом собрании, я выступала со своим искусством. И так выступила хорошо, рассказала, все удивлялись этому красивому искусству, и меня выбрали в числе 300 человек в Совет мастеров России. Не смогла поучаствовать — быстро наступила «перестройка». Несколько раз ездила и часто выступала за круглым столом о декоративном эвенкийском искусстве. Там даже ученые были, а я простая мастерица. Правда, у меня опыт большой — преподавала потому что. Не только труды я вела, но и декоративно-прикладное творчество.

И.: Дети охотно перенимали навыки? Им нравились занятия?

Т.М.: Конечно. Вот видите, сколько моих трудов тут. Всю жизнь за этим сидела. Мне дали звание «Почетный житель Эвенкии». Я считаю, что молодым мастерам надо давать звание «Мастер прикладного творчества Эвенкии», чтобы люди знали их в лицо.

Рис. 25. Н. М. Удыгир, эвенкийский мастер декоративно-прикладного искусства. п. Тура. Фото 2017 г.

Экспертное интервью с Н. М. Удыгир, мастером эвенкийского декоративно- прикладного искусства

И.: Вы знаете эвенкийский язык? Вы мастер? Вы шьете?

Н.М.: Да я с детства шью. Мама раньше шила. Мои родители были охотниками. Особенно в летнее время. Когда мы переезжали с Туры домой. Занимались вечером рукоделием. И она шила, и я шила. Все мы шили. Мама тапочки, одежду, унты, парки делала из оленьей шкуры. Все сама обрабатывала, мыла.

И.: Чем отличается мужская парка от женской?

Н.М.: Мужская более грубая, жесткая. Для сильных морозов. Она толстая, ворс грубый. Ее надевают на курточку сверху или на жилет.

И.: Эта одежда востребована сейчас?

Н.М.: Сейчас ее не носят. Оленей нет. Когда олени были, тогда шили и носили, конечно. В 90-е годы потерялись они.

И.: Они потерялись или куда-то исчезли?

Н.М.: Исчезли. Мы не досмотрели, и они убежали. В Эконде. Там родственники у меня, там олени и потерялись.

И.: А вот одежда стилизована. Украшаете чем-нибудь?

Н.М.: Раньше украшали. Сейчас не очень.

И.: Сохранились ли какие-нибудь элементы традиционные в шитье? Такие, что понимают только эвенки?

Н.М.: Мама шила женские парки, из шкуры важенки. Они легкие и ворс мелкий. Парки по бокам украшали. Унты украшались. Полосками-лоти.

И.: Долганская одежда украшается бисером. А в эвенкийской есть такой обычай?

Н.М.: Бисером мы обычно унты украшаем. Сверху и снизу. И мужскую одежду. Орнаменты иной раз бисером вышиваем.

И.: Вы можете отличить рисунок эвенкийский от неэвенкийского на одежде или на унтах?

Н.М.: Могу. У всех же орнаменты разные. Эвенкийский — геометрический. В нем много знаков чумов, деревьев, животных. Обычно используется в орнаменте белый, красный, желтый, голубой цвета.

И.: Они несут какое-то символическое значение?

Н.М.: Нет.

И.: Вы знаете сказки или песни? Образы из этих сказок каким-то образом отражены в рисунках на одежде?

Н.М.: Нет. Такого нет. В одежде встречаются образы, связанные с оленем: рога, копыта. Но это не сказочный олень, а тот, с которым эвенк в жизни часто встречается. Образы гагары распространены.

Рис. 26. В. А. Хутогир, эвенкийский мастер декоративно-прикладного искусства, и Ю. С. Замараева, доцент кафедры культурологии СФУ. п. Тура, фото 2017 г.

Экспертное интервью с В. А. Хутогир, мастером эвенкийского декоративно- прикладного искусства

И.: Расскажите, пожалуйста, какими видами декоративно-прикладного искусства Вы владеете.

В.А.: В основном, я шью национальную одежду для охотников, рыбаков. Получается, это верхняя одежда из шкуры оленя, потом шапки шью, тоже национальные, полностью расшитые мехом, «бакари» из камуса. Рукавицы шью, тоже из меха, тоже для охотников. Женскую обувь шью, унты. Потом детские унтыки, тепленькие, с чулочком. Детские шапки, женские шапки. То есть, все, что связано с мехом, я шью. Ковры шью из меха ондатры. Жилеты шью из мехов. В общем, женские, мужские,

детские — все шью. Вышиваю бисером. Сувениры разнообразные делаю из бисера. мехом обделываю. Сумки женские, тоже меховые. Все это на выставки. У меня несколько выставок было в Новосибирске, в Москве, в Красноярском крае во многих городах и поселках. Участвую во всех наших мероприятиях, связанных с праздниками нашими эвенкийскими. Праздник у нас «Мучун» — это наш Новый Год, День аборигена.

И.: А когда он празднуется?

В.А.: Первая суббота августа, каждый год. В этом году мы отметили 90-летие Туры, столицы нашей. Выставка была моих изделий. Все они продаются, заказов много.

И.: Скажите, а где вы обучались?

В.А.: Я нигде не обучалась. Я самоучка. Я раньше жила, когда маленькой была, в отдаленном поселке, где только одни эвенки живут, русского населения вообще нет. В Эконде. И просто вот сама захотела рукоделием заняться, желание было большое.

И.: А с чего начали?

В.А.: С шапки, до сих пор помню. Дочка моя училась в школе-интернате. Поехала обучаться в 4 классе сюда. Я решила сама сделать ей шапку из ондатры. Я сама ондатру выделала, как умела. Женщина пришла, она мне показала, которая знала, умела все это делать. И я все на болванку надела. И всю ночь молилась и не спала, чтобы она у меня получилась. Она у меня получилась. А вторая шапка у меня была из песка белого. Но в ней я не правильно ушки сшила. Но ничего, своим упорством я научилась. Вот сейчас ко мне все население Эвенкии обращается с заказами.

И.: Но вас все-таки обучали — выделывать...

В.А.: Да. Меня обучала женщина. Светлана. Но она уже умерла, Царство ей Небесное. Я к ней приходила, она раскраивала мне шкурку. И показывала, как это делается. А я шила, набивала себе руку, чтобы шов был ровненький. И все. Постепенно я начала сама кроить. Какие-то книжки находила, читала, смотрела выкройки. Там у одной бабушки возьму, у другой бабушки возьму. Пойду у бабушки спрошу. Соседка у меня тоже была мастерица. Тоже умерла, Царствие ей Небесное.

И.: То есть, все-таки этому народному ремеслу вы обучались через книги и советы бабушек?

В.А.: Да. Остались у меня скребки, которыми шкурки выдывать можно, от бабушки. Я ими пользовалась. У меня лежат. И то, что я видела в детстве от мамы, от бабушки своей — все это, я помню, как они делали, как они шили.

И.: Какие виды ДПИ были распространены у вас в поселке?

В.А.: У нас в поселке в основном шили, конечно, для охотников. Для транспорта. Зимой же охотились на санях, а летом ездили верхом на оленях. Шили из камуса сумки. Для того, чтобы возить там муку, сахар. И сумка эта обшивалась бисером. У меня даже дома такая есть. Из тканей всегда был красный цвет, синий и белый. И также национальные одежды были — летний вариант, зимний вариант. Тоже обдывались бисером и тканями этими. Помню, у моей бабушки где-то было.

И.: А эти цвета что-то символизировали или просто для яркости использовались?

В.А.: Да. Чтобы ярко. И такие бусины были тоже белые, синие, крупные.

И.: Может, расскажите что-нибудь про узоры?

В.А.: Узоры были: следы зайца, след медведя, следы всех зверей. Или полет птиц.

И.: А как вы считаете, нужно передавать детям, новому поколению эти традиции?

В.А.: Обязательно нужно, обязательно. Вот у меня три дочки и две внучки родные. Старшая дочь у меня умеет шить, бисером работать умеет. Внучка старшая, у нее желание вроде бы есть. Она сядет, и оно тут же пропадает. Терпения нет. В телефонах, гаджетах интереснее сидеть. А так, конечно, хочется, чтобы они продолжили мое дело, умели то, что я умею. Я хочу передать кому-нибудь из дочерей весь этот опыт накопленный. Но пока они только восхищаются, что у них мама такая мастерица, а сами не хотят пока. Может, постарше будут, захотят.

И.: А можно ли поставить производство художественных произведений коренных народов на поток? Или это уникаль-

ные вещи, и они только среди своих распространяются? Например, только для охотников.

В.А.: ...Ну почему... Можно.

И.: И будет востребовано?

В.А.: Конечно, будет.

И.: А стоимость у них, как вы считаете, приемлемая? Например, в аэропортах, цены очень завышены.

В.А.: Да, очень завышены. Я видела. Я в Москве была и тоже видела наши изделия где-то в магазинчике, но цены очень завышены. Мы с депутатом Алексеем Михайловичем разговаривали, когда он ко мне приходил. Он хочет к Универсиаде подготовиться. И все, что мы шьем, выставить, чтобы было очень красиво, востребовано. Подключает меня тоже туда.

И.: А те вещи, которые, как предполагается, будут выставляться, будут носить чисто традиционный характер или какие-то современные элементы туда будут добавлены?

В.А.: Я думаю, современные элементы тоже могут быть добавлены, почему нет.

И.: А нужно ли современным ученым изучать, исследовать различные предметы ДПИ?

В.А.: Нужно конечно. К нам, помню, приезжали канадцы, общались, когда я в Эконде жила. Они специально три года подряд приезжали, диссертацию защищал Дэвид Андерссон. Мы его на оленях возили. И он нас полностью изучал, как мы живем. И даже спал в палатке. Девушка с ним была, помню. Все-все им рассказывали. В каждую квартиру заходил он в Эконде. Там же эвенки одни живут.

И.: А традиции в разных поселках, они, отличаются именно по производству?

В.А.: Они отличаются даже, допустим, диалектом: У нас — Эконда, мы экаем, а учане, они чекают. Взять, допустим, Бай-кит, они тоже по-другому говорят. Допустим... какое бы слово вам сказать... мы говорим «амыса» — «пришла», сыкаем, а они — «амыча». Когда мы с ними начинаем разговаривать, я смеюсь, потому что я не понимаю их, что говорят. И они так же.

И.: А эта одежда, которую вы шьете для охотников, она

праздничная?

В.А.: Нет, она повседневная. Она спросом большим пользуется.

И.: А в ней присутствуют элементы сакрального характера? Вышивка какая-нибудь? Знаки какие-нибудь?

В.А.: Нет, нет такого. Никто не просит. Я шью и шью. Если кто специально попросит, тогда другое дело, а так...

И.: Сколько примерно в год вы изделий отшиваете?

В.А.: Ой, я не считала даже! Шью и шью. Как-то спонтанно идет у меня так.

И.: А вы не замечаете, изменяются ли предпочтения в одежде из года в год?

В.А.: Изменяются, конечно. Допустим, я что-то новое сама для себя нахожу. В Интернете смотрю, как в Саха одежда выглядит, они же похожи чуть-чуть с нами, на Таймыре смотрю, как они шьют... Орнаменты, в основном. Сам рисунок.

И.: Ткани современные уже используются?

В.А.: Да. Раньше ровдугу делали. А сейчас никто не делает. Сейчас даже вот лыжи охотничьи никто не делает. Помню, у меня дедушка делал. Сегодня щуку готовила, вспоминала, как он щукой клеил лыжи.

И.: Вы знаете, мы видели в музее Томского государственного университета эвенкийскую одежду из рыбьей кожи, сшитую тонко-тонко. Она вся прозрачная с капюшоном. Было интересно, как много времени тратили на пошив такого костюма, велика ли была потребность в такой одежде. Это же уникальные материалы, шитье, такая одежда востребована была охотниками? Или элементы детские — люлька, обшивка для люльки?

В.А.: Это раньше делали. А сейчас уже нет люлек. Все современное.

И.: Все современное... А в чем тогда сохраняется искусство и культура?

В.А.: Мне кажется, что мы уже теряем культуру. Жалко так.

И.: А что можно сделать? Что может помочь сохранить, развить ее?

В.А.: Я вот смотрю, что в детских садах начали обучать эвенкийскому, в школах есть родной язык. Я думаю, надо восстановить все это.

И.: Каким образом? Это должно быть профессиональное образование?

В.А.: Нет. Это бесполезно — в этнопедагогическом пытались что-то делать, а никто не хочет, не идет. Это надо с детства прививать. Как родился ребенок, так и нужно его начинать учить родному языку, культуре.

И.: А ученики есть у вас?

В.А.: У меня нет учеников, а зачем они мне нужны? Мои-то дети разговаривают, язык знают. И внучка, и внук.

И.: Шьют?

В.А.: У меня старшая дочка шьет, вышивает. И средняя у меня вышивает — она вот солнышко вышила. Младшая у меня только поет на эвенкийском. Может, услышите. Она работает в ДК у Светланы Викторовны. Ольга Хутогир. Она везде по Эвенкии летает, везде поет на эвенкийском, в ансамбле.

И.: Понимает язык?

В.А.: Конечно понимает!

И.: Вы сами научили?

В.А.: Так мы выросли в поселке, в Эконде. Они в лесу со мной росли. Со мной на оленях ездили.

И.: А как Вы решились на переезд?

В.А.: Я решилась, потому что младшая дочка в школу пошла, а старшие уже заканчивали. Старшая уже в 10 пошла, а средняя в 8, а маленькая, мне было жалко ее, поэтому я выехала сюда, чтобы рядом с ней быть.

И.: Вы знаете еще мастеров, которые здесь еще работают? Можете назвать каких-то именитых? Кто ездит на выставки?

В.А.: София Никова, Нина Ларионовна Черемчина — тетьа моя родная. Тоже шьет. У нее даже книга есть. Она также участвует во всех мероприятиях.

И.: А Вы не хотите издать каталог со своими работами?

В.А.: А я что-то даже никуда. Сама по себе работаю, фотографии себе сохраняю только.

И.: А желание вывезти работы, показать их в музеях есть?

В.А.: Желание, конечно, есть.

И.: Это Ваше личное увлечение.

В.А.: Это мое личное увлечение. В свободное время.

И.: А материалы Вы закупаете где?

В.А.: У меня дочь в Красноярске учится, сюда тоже привозят. Скоро сама полечу в Красноярск, там наберу себе всего, что надо.

И.: А бисер закупаете?

В.А.: Бисер сама покупаю. 30 кг купила давно уже. Привезла. Но я купила неудачно, конечно. Нехороший. Какой был, такой взяла.

И.: У вас на изделиях орнаменты как идут, так и идут, или вы специально их используете, продумываете?

В.А.: ...Да как идут. Что увидела, то и сделала.

И.: А какие-то современные мотивы есть?

В.А.: Современных мотивов у меня нет. Шью, что придумаю. На работу тут пошла. Мне водитель говорит: «Валентина, Валентина, я не понял, что ты все время вторую шапку носишь? Одна шапка на голове, другая шапка — в руках! Ладно тебе рядиться, боярыня!». А на мне рукавицы из норки, сама шила, шуба...

Шью сумочки также, под телефон чехлы, иконницы. Это я вечерами делаю. Нервы успокаивает.

И.: Как долго, сколько времени занимает?

В.А.: Вечер и утром до работы шью. Рано просыпаюсь. Во время обеда успеваю. Руки постоянно заняты у меня.

И.: Вот это что значит: круг и ...?

В.А.: ...Это солнце. Так все называют — «солнышки». Я сегодня смотрела по телевизору шансон, там, значит, ансамбль. Там у девушки видела наше солнышко, прямо на нее вот так, удивилась. Видно, купила. Может, не у нас, а на Таймыре.

В.А.: Шью носочки тепленькие, ребенок только колготки надевает и все. На улицу, гулять по снегу. С ними ничего не будет, это как замша идет. Унты из шкуры оленя — камуса.

У охотников покупаю. Шью из того, что приносят: из шкуры волка, собаки, ондатры.

И.: А можно отличить, что относится к эвенкийскому, а что стилизовано или относится вообще к северному искусству? Какой-то рисунок или элемент?

В.А.: Вот эти вот круглые — «солнышки». А вот элемент... Я раньше делала эти футляры для телефонов, у меня их все раскупили, делала элемент «оленьчик», «собака»...

И.: Сумки — это Ваше изобретение?

В.А.: Это чисто мое изобретение.

И.: А это в машину берут? Или украшение для дома?

В.А.: Да, в машину берут, для подарков.

И.: Мы сейчас много ездим по Северу. И есть в аэропорту отдел, очень большой отдел по Северу, очень красивый. Только непонятно, насколько изделия в нем эвенкийские, долганские, нганасанские, ненецкие. Как чистоту эту определить или уже не нужно этим заниматься?

В.А.: Да, это все посмешалось.

И.: Только на каком уровне это можно понять? Грубый вопрос, конечно, но, вы отличаете, что эвенкийское — вот это настоящее эвенкийское солнце?

В.А.: Я езжу каждый год, летаю в отпуск. Была в Бурятии, допустим. И там эвенки тоже есть. И у них тоже произведения, но я могу отличить, что их — бурятское, а мое — эвенкийское.

И.: Как?

В.А.: Ну вот это мой рисунок... или они какую-нибудь картину... дома рисунок такой — олень, чум, закат там, как будто эвенки собираются или только приехали — как будто только стойбище поставили. А бывает, что у них картина наклеенная — современная уже. Там нет элементов чисто эвенкийских. Я сама вижу, что это стойбище, эвенки отдыхают. А есть такие картины, где наклеивают свои элементы, современные, значит. В Бурятии смотрела.

И.: Эти картины из чего?

В.А.: Из бисера. Они свои элементы подклеивают, значит. Уже не то. Где я еще была? В Элисте. Хотя в Элисте уже не то.

Там свое. И вот даже в аэропортах я хожу, смотрю. Там не пахнет нашим, эвенкийским. Допустим, иду там, и ничего эвенкийского нет. А здесь все вручную сделано, а не на машинке какой-то.

И.: А в аэропорту вы как видите «не наше» — не эвенкийское? Мы не умеем отличить. Как Вы отличаете?

В.А.: Не знаю. Видно же сразу. Что это ручная работа, а там нет. Видно, что где-то наклеили, где-то пришили. И сами элементы: орнаменты, цвет, линии, количество линий, направление этих линий. Допустим, Вы знаете, что птица должна быть только клювом вверх, а где-то ее разместили вот так, понравилось так автору... Или такое не встречали?

Экспертное интервью с Г. К. Лапуко, сотрудником МБУК «Эвенкийский краеведческий музей» Эвенкийского муниципального района, носителем эвенкийского языка

И.: Нам бы хотелось поговорить с вами про ДПИ. Какие виды ДПИ распространены в Эвенкии, в целом у коренных народов Сибири?

Г.К.: Вышивание бисером еще осталось. Выделка уже утрачивается из шкуры северного оленя, шитье шуб, шитье бакарей. Унты еще как-то сохранились, потому что оно более современное, тут и бисер есть. Шитье из шкурок диких зверей, из соболя, из белки, из росوماхи. Из диких зверей одежду, те же самые жилетки. Раньше разводили здесь черно-бурых лис, шили шапки из них и воротники красивые на пальто. Заячьи жилетки. Что-то осталось, а что-то уже утрачено. Выделка тоже, где-то осталась, а где-то утрачена. Традиционная одежда праздничная уже полностью вся стилизованная, появились тканые материалы. Бисер присутствует на ткани. У эвенков было сукно, зипун. Оно на погодные условия. А теперь люди в населенном пункте живут в основном, одежда новая, яркая. Я платье себе заказала, покрой эвенкийский, рукав широкий, воротник отложной... Красиво оно, но не то, это уже материал. Раньше фартук был ровдужный, бисером вышитый, праздничный. У меня он праздничный, но стилизованный уже идет, с тесемочкой. А раньше женщина и подшейным волосом оленя его украшала, и бисером. Она брала небольшой кусочек ткани приделывала... Это человеческие руки, через них фантазия и мастерство показывается. А здесь уже я сама не буду шить, я пойду и закажу. Мне легче заказать, денежку дать, лишь бы мне сшили. Раньше люди больше сами шили для себя. А сейчас, ну есть люди, которые шьют красивые вышивки на унты. Могут заказать, а может женщина взяться и сделать заготовку. Сама нарисует узор, какой нужно, орнамент. Она может взяться и сама сделать. Есть такие люди.

А есть те, которым легче заказать. Кто-то добыл тебе камус оленя, чтобы сшить, ты покупаешь, отдаешь мастерице, она тебе шьет унты, какие хочешь, хочешь шахматный узор, хочешь бисерный узор. Утрачено ношение оберегов, кисетов, женских сумочек. Сейчас какая-то часть сохранена, но это лишь только показать, какая ты мастерица. Либо ты закажешь, чтобы выйти куда-то в свет, либо в качестве подарка. Вот женщины есть, вышивают, шьют, они могут. Женщины стараются сохранять бисер, само творчество. Мужские предметы, те же самые лыжи, уже никто не изготовит. Камусные лыжи легче мужчинам купить уже. Хотя раньше женщина выделывала камус, чтобы изготовить лыжи. А мужчина мог изготавливать. Берестяную лодку совершенно забыли, потому что легче купить в магазине, либо сколотить из дерева. Плетением сетей мужчины еще занимаются, но уже из более современных материалов. Это еще не утрачено в поселках. Утрачено, как нарты изготовить, потому что оленей не стало. Может оно еще сохранилось в Суринде, там у нас оленеводческое хозяйство. Охотничья одежда тоже утрачена, из шкуры дикого северного оленя. Если оленя забивают, шкуру лишь могут сохранить, что если поедут на каком-либо транспорте подстелить ее под себя, либо спать в походных условиях. А чтобы выделать ее и сшить, такого мало встретишь. Хотя шуба легкая, теплая, но ее выделка трудоемкая, инструментов уже не сохранилось. Хотя у какой-то части женщин они есть, передаются от женщины к женщине из поколения в поколение. Моя мама еще шила. До 70 лет она выделывала шкуры, шила нам унты, одевала нас, отца одевала. Рукавицы могла сшить из шкуры оленя. Парку могла сшить только весеннюю, потому что она более мягкая, тонкая. Рукавицы еще шьют женщины из камуса, к куртке могут пришить, традиционные рукавицы. Охотничье оружие огнестрельное сейчас стало. Жилище временное, чум если раньше был ровдушный, из шкур, то сейчас уже делают из брезента.

И.: Появляются новые материалы.

Г.К.: Да, да, новые материалы сильно входят. Если посуду взять, то раньше она почти вся стеклянная была, металличе-

ская. Изготовление ножей, холодного оружия. Кость еще может применяться и рог. Раньше рог оленя либо сохатого был везде применен, это была и сбруя, это были и луки для седел, ручки для ножей, рукоятки, крюки для вязания маута. Посох из дерева обыкновенный, для мужчины, для пожилого человека. Эвенкийская люлька, энкэ, она утрачена, сейчас покупают все женщины в магазинах.

И.: Понятно, что некоторые традиции угасают, исчезают. А был ли какой-либо перерыв? Например, в советскую или постсоветскую эпоху, что люди перестали заниматься этим на какое-то время. Или постоянно из бисера делали, по мере возможности.

Г.К.: Я не так долго живу, я еще молодая. Я за этим не наблюдала.

И.: Может вам это просто известно, по работе в музее с документами.

Г.К.: Нет, не наблюдала я никогда.

И.: А вот те же узоры из бисера, они сохраняют свое значение символическое? Или сейчас это больше декоративный элемент?

Г.К.: Раньше в свое время была лапка гагарок, она несла какое-то значение. Вот этот вот треугольник — рога оленя, раньше везде присутствовал традиционно. Бисер в советское время был, не то что бы дефицитом, но он был дорогой. Он всегда дорогой, и сегодня, хотя он не качественный. Он был традиционный, не утрачивался. Но сейчас больше делают растительный орнамент, в виде цветочков делают, в виде каких-то листочков. Есть и геометрические рисунки и буквой S делают. А там, чем богаче бисер, тем лучше мастерица. Вот это еще сохраняется. Это очень красиво, ярко. Ну и показать, что не только она мастерица, но и может себе позволить такие унты, что она не так бедна. Но хотя сейчас одежду уже носят более современную. Уже не каждая может позволить себе унты. В поселках они унты носят. Здесь в Туре встречаются лишь иногда. У меня сейчас унты простые, без бисера, я их ношу только в сильные морозы, чтоб сохранить тепло. Заказала я

их себе и на подошву поставила. Мама у меня уже старенькая, а сама я выделывать и шить уже не возьмусь. Цивилизация все меняет. Утрачивается идентичность. Если мама ко мне приезжает, мы с ней только на родном языке разговариваем. Мои дети уже не поймут. Понимают какие-то слова отдельные. Если хочу посекретничать от мужа, тоже на эвенкийском говорю, он не понимает. Хотя мать у него эвенка, а отец — русский, он только некоторые слова знает.

И.: Все равно мастера остаются, и как передается их навык? Они где-то учатся или это с детства в них заложено?

Г.К.: Я вот, например, знаю, что есть женщины, которые шьют, для того чтобы заработать на хлеб, но знания свои не передают. Та же Тамара Михайловна, мастерица ДПИ, она не раскрывает секреты творчества. Хотя она все умеет: и шить, и выделывать шкуры, и технологию старую сохраняет, но у нее учеников нет.

И.: Она этого не хочет?

Г.К.: Не знаю. Мастера как-то разрознены, они не передают навыки свои дальше. Если это есть в семье, моя мама вот вышивала бисером, шила на машинке, и руками шила. Нас было пятеро, она нас всех учила. Естественно мы брались, каждая могла для себя что-то сшить, либо на машинке, либо руками. Каждая из четырех девчонок, кроме младшей, все умели иголку в руках держать. Мы могли пришить пуговицу, мы могли зашить платье, мы могли сшить и на машинке, нам мама могла скроить. Потом чуть старше и с бисером научились работать, если видели, что мама вышивает, то мы тоже брались. А потом уже став старше, мама выделывала шкуры и мы ей помогали, нужно было мять камус выделанный уже. Где-то есть в семье такое, передается навык. А где-то оно на одной женщине остановилось и все, она своим детям не передала ничего. 50 на 50 я вам скажу. На сегодняшний день мои две дочери, младшая до сих пор иголку держать не умеет, в 9 классе, старшая, если еще в школе научили юбочку, фартучек сшить, она может что-то подремонтировать. Хотя я все это умею делать, все берется уже с магазина.

И.: Получается, что если в семье не научили, то люди не идут учиться?

Г.К.: Да, конечно. Хотя здесь у нас в школе-интернате были уроки ДПИ, уроки труда были те же самые. Нас там учили игло- ку держать, спицы держать, крючок держать, на машинке шить, бисером вышивать. Я со школы вышла, крючок держала, спицы держала, иглой могла что-то зашить, пришить, могла скроить. На машинке швейной шить. Чему-то научена в школе. И что-то я знала традиционное. На сегодняшний день этого мало. Оно преподается в школе, конечно, но это все стилизо- ванно. И бисером они вышивают и шьют они. Уже утрачена выделка... но выделять мы не выделяли в свое время, но шкурки были и нужно было сшить. А сейчас все на тканом материале и на бисере. Вот вам все навыки. Была презентация учителя, они шили костюмы национальные, естественно, сти- лизованные, матерчатые, там и бисер присутствует и тесемоч- ка есть. Был у преподавателя план такой на целый год, старше- классницы шили костюмы младшим классам. Шились и налоб- ники, и тут же был и бисер. И платья шились.

И.: Вы считаете, это хорошая практика?

Г.К.: Да, очень хорошая. Мне понравилось. Ношение налоб- ников, чтоб показать, кто ты такой, где ты живешь. И ты дол- жен знать с кем ты живешь. Кто твои были дедушки и бабушки. Это очень хорошо.

И.: Как Вы относитесь к идее массового производства ДПИ, выхода одежды традиционной, сувениров на большой рынок? Скоро, например, Универсиада, и все думают, как порадовать гостей местным колоритом. Или оно традиционное и должно оставаться...

Г.К.: Проживающие в Красноярске не знают, что есть край- ний Север, что есть другие народности помимо русских. Они не знают, что есть хакасы, не знают, кто такие тувинцы, долга- ны, эвенки, якуты, кето. Если даже это будет массово, то им это неважно. Пусть даже это будет эвенкийский герб, подарим мы, будет там наш узор и орнамент, и символ этот в производстве. Ну, возьмут они. А кто они такие? Они даже не заинтересуются

этим.

И.: А если здесь начать такое производство? Если не сувениры, а одежду. Хотя, я так понимаю, что и одежда уходит традиционная. Остаются в основном узоры сами, бисер, его декоративная функция. А остальное так сильно не развивается.

Г.К.: Ну это для развития... Парку ведь на всех не натянешь. Шапку из росوماхи тоже не на всех наденешь, не каждому она пойдет. С широким глазом, он ободок наденет — на кого он будет похож? И посох не дашь старику, который во все европейское одет. И массово всех не оденешь в одно и то же.

И.: Художественные произведения, современные, украшенные орнаментами или символами, несут в себе прежние значения или все это лишь декор?

Г.К.: Сейчас столько много узоров, столько много всего. Бывает, что некоторые на них внимания могут не обратить. Если только перенять этот узор на одежду или рисунок. Но оно сейчас не сильно важно. Не будет оно нести своей сакральности. Каждый узор несет в себе событие. Пусть это будет треугольник с вершинами, это будет означать жилище. А если перевернутый — это уже рога барана. Это сакральность уже, либо охотничий оберег. А если перенесешь узор чума куда-то... ну на платье еще он будет смотреться, на книжке будет, если на художественной литературе. Но на ложке не пойдет. Узор не всегда уместен.

И.: А возможно ли появление каких-то новых направлений в ДПИ, современных?

Г.К.: Сейчас у нас появилась в Центре народного творчества резьба по кости. Хотя из кости вырезали эвенки очень мало. Нужен был хороший нож, специальный, хотя не каждый охотник имел хорошие ножи. А сейчас режут при помощи электричества, при помощи всевозможных сверел. Но это в качестве сувенира. А чтобы в большом таком... Это еще пойдет, чтобы обычные сюжеты, какие-то статуэтки резать массово. Но это новое. Эвенки могли вырезать на дереве, на кости мало.

И.: Нужно ли заниматься исследованиями художественных произведений, или их уже достаточно изучили?

Г.К.: Нужно, обязательно. Нужно их изучать, раскрывать. У нас же ведь до сих пор, тот же Н. К. Оёгир разговаривал и на якутском языке, и на эвенкийском языке. Он необразованный же был, выучился в тюрьме. Алитет Николаевич Немтушкин образованный был, университет окончил. У них все по наитию шло. И жизни их не изучены.

И.: Последний вопрос. Насколько различаются стили ДПИ и различаются ли вообще у эвенков в зависимости от территории проживания? Есть какие-то различия, северные, южные?

Г.К.: Это не сильно проявляется. Сейчас много всего появилось, почти все стилизованное... А как таковых различий нет. Оно все как-то намешано, оттуда, оттуда...

И.: То есть не так, как с языком? Дialeкты различаются, а внутри ДПИ нет.

Г.К.: Да. Не различается вовсе, оно больше стилизуется. С современным оно мешается. Есть старый рисунок, а тут уже современное новое что-то. Оно другое уже.

Экспертное интервью с Любовью Юрьевной Поповой, директором КГБУК «Таймырский Дом народного творчества («Чум»), г. Дудинка

Интервьюер (далее — И.): Скажите, пожалуйста, какие виды декоративно-прикладного искусства распространены у коренных народов севера Сибири?

Любовь Юрьевна (далее — Л.Ю.): Издавна существуют различные виды традиционного декоративно-прикладного искусства, например как: шитьё, вышивка, резьба по кости, резьба по дереву. Всё это присутствовало когда-то, но в советское время это было утрачено всё это перешло в разряд сувенирной продукции. Мы стали озадачиваться возрождением промыслов в середине 90-ых годов. Вот тогда впервые было принято решение в 1994 году провести первую творческую лабораторию, на которую были приглашены мастера-косторезы из Якутии: Константин Мамонтов и Фёдор Марков. Это был очень правильный шаг и тогда эти маститые мастера обучали наших ребят основам резьбы по кости. С тех пор эта творческая лаборатория проводилась ежегодно. Последние шесть лет мы приняли решение проводить её через год. Этому тоже есть причина, т.е. всё это было сделано осознанно. За это время на творческой лаборатории присутствовали все мастера крупных косторезных школ России: Чукотка, Тобольск, Холмогоры, из Якутии неоднократно. И, конечно, уровень мастерства работ вырос просто колоссально. За эти годы у нас сложилось очень серьёзная Таймырская школа резьбы по кости. Кроме творческой лаборатории, мы очень часто участвовали в различных фестивалях, конкурсах. Также у нас очень плотные контакты с отделом музея искусства народов Востока. Бронштейн Михаил Мокович занимался исследованием таймырской резной кости как феномена. Он очень высокого мнения о деятельности нашего учреждения в этом направлении, потому что у нас действительно сделано очень много. В последнее время, когда к нам приезжали мастера на творческую лабораторию, то они

нам говорили: «Нам вас нечему учить. Ведь вы и так всё прекрасно делаете». Более того, если в начале нашего пути мы копировали мотивы, особенно у якутов, то сейчас у нашей резной кости абсолютно своё «лицо», это касается работы и с бивнем, и с оленьим рогом.

И.: Вы говорили, что в советское время всё превращалось в сувенирную продукцию, как бы без души. А сейчас удаётся ли возродить те древние традиции, которые испокон веков были у коренных народов?

Л.Ю.: Возродить — да. Удаётся почему? Потому что в нашем коллективе работают все мастера, которые являются представителями коренных этносов. Все они заинтересованы искренне в сохранении культуры своего народа. Дело даже не в том, что они «коренные», бывает в других учреждениях формально к этому относятся. Наши нет. Они понимают, что мы задаём тон теме «сохранения». Для нас это очень важно. Каждый год мы ездим в экспедиции. У нас есть масса фото-материалов по старинным вещам. Раньше ведь как скульптуру не создавали. Да, делали идолов, но это были ритуальные вещи, но художественной структуры не было. То есть художественные вещи вытекают из традиций. Когда такое применялось? В ритуальной структуре, как я и говорила, и, конечно, в упряже оленей: налобники, нащёчники. Вот, буквально, месяц назад мы были в арт- экспедиции: у оленей уже современная упряжка, но не заменить ничем бивень мамонта. Из него и делают нащёчники.

И.: Насколько качественно коренные народы Сибири могут восстановить архаичные традиции художественных произведений ДПИ? Сохранилось ли традиционное содержание (знаки, образы, символы) или восстановлена только внешняя форма?

Л.Ю.: Наши мастера одержимы этой работой. Они любят свою работу. Все дети наших мастериц всегда с нами на всех мероприятиях, все одеты в одежду, которую им сшили родители. Это не просто театральная сторона, они этим живут. Мы боремся с этим и стремимся к аутентичности. То современное, что создают наши мастерицы на основе традиционных

одежд это естественный процесс, развитие культуры. У нас существуют потрясающие орнаменты наших народов. Кумаланы, не просто говорящие, а это целая отдельная история, отдельная легенда. Нет ничего случайного в этом, ведь каждый орнамент говорит о чём-то. Ещё один момент, к началу нашего века, когда мы активно стали заниматься возрождением истинных традиций, то обратили внимание, что есть очень много эклектики в декоративных работах. Вот мы сейчас ведём беспощадную борьбу с этим. Каким образом это проводится? Мы проводим творческие лаборатории и мастер-классы в посёлках. Ведь именно оттуда и приходит эклектика. Приходится бороться с этой неграмотностью. Даже внутри своего народа. Например, создают парку, совершенно не понимая, что в долганской парке не должны присутствовать элементы ненецкого костюма. Вот сейчас благодаря нашему учреждению, нашим творческим лабораториям, методическим программам, которые мы создаём и отправляем в посёлки, эта ситуация выправляется. Наши мастера и мастерицы за чистоту, они соблюдают традиции.

И.: Можно ли узнать об образовании Ваших мастеров?

Л.Ю.: Это вопрос «больной», но в тоже время он решается. Во всяком случае, раньше решался. У нас в Норильске есть колледж искусств и есть отделение декоративно-прикладного искусств, народного промысла, где обучались большинство наших мастериц. Там очень высокого уровня педагогический состав. Есть в Дудинке колледж, там тоже есть отделение декоративно-прикладного искусства народного промысла. Студенты этого отделения проходят различные практики на базе нашего учреждения. Зачастую мы выступаем в качестве членов экзаменационной комиссии. Дети получают персональные, полезные навыки, знания у нас. Мы проводим, как я уже говорила, каждый год творческие лаборатории и на них присутствуют не только мастера с наших регионов России, например как Якутия, Урал и другие, но и зарубежные: мастер из Финляндии. Там тоже занимаются костью и показывают совершенно другую технологию, что очень полезно для нас. Наши масте-

рицы на творческой лаборатории, которую мы называли «Академия сибирских мастериц», делают национальную кухню, вышивают оловянной нитью, делают работу из кожи, вот как, например, финны. Таким образом, наши мастерицы обучаются. Студенты не исключение, они тоже проходят курс: студенты нашего (дудинского) колледжа, норильского колледжа. Потому что, безусловно, это серьёзно расширяет их кругозор, даёт новые навыки. Кроме того, наши мастерицы проводят систематические мастер-классы с детским садиком, со школьниками и со взрослыми. По результатам в заключительной творческой лаборатории, которая проходила прошлой осенью, и где как раз давала свои уроки мастерица из Финляндии, у нас собралось столько женщин-мастериц, вокруг нашего чума, не только коренной национальности, и они так «прикипели» к друг другу за время проведения нашей творческой лаборатории! Так было им интересно обмениваться своими знаниями и умениями, что мы решили создать такую группу, клубное формирование «Чумовые ручки», где новые технологии показывают и детям, и взрослым. Так что, мы своим потоком творчества охватили всё население всеми возможными способами.

Если несколько лет назад ещё наши представители коренных народов стеснялись ходить в национальной одежде, то сейчас с гордостью показывают её. Даже я — русская, ношу северную национальную одежду. Это тоже, я считаю, большая заслуга нашего учреждения, потому что мы развиваем и пропагандируем культуру. Мы говорим, что это здорово, что это замечательно, что это обогащает и человека и окружение. Сейчас мы создаём этно-стойбище, где будут стационарно установлены чумы. Там наши мастерицы будут встречать гостей, показывать свои навыки, обучать детей. Причём дети у нас многие из интерната — дети кочевников, и мы решили создать проект «Школа тундровика», где детям кочевников мы хотим помочь с адаптацией к городской жизни, построив этот этно-парк, этно-стойбище. Кроме того, прививать навыки к традиционному декоративно-прикладному искусству. Помимо того, что они будут вышивать, работать

с мехом, также будут учиться вязать сети, ловить рыбу, резать по кости. Таким образом, чтобы дети не отлучались от тундры.

И.: А на каком языке Вы планируете общаться с детками в «Школе тунровика»?

Л.Ю.: Вы знаете, будем разговаривать на пяти языках, т.к. у нас проживают именно пять коренных народов. Всё на национальном языке. Все наши мастерицы, практически все, владеют национальным языком и у каждой есть своё клубное формирование: где на ненецком, где на нганасанском, а где-то и происходит совмещение., так как дети в одной группе бывают из разных этносов. Самое главное — это привить любовь и гордость к своему народу.

И.: С какими сложностями Вы сталкиваетесь, реализуя свои проекты?

Л.Ю.: Только финансовые. Я Вам уже говорила, что наши сотрудники одержимы своим любимым делом. Знаете, что важно, что наши сотрудники не исполнители, а инициаторы. Вот это шикарно. Я всегда поддерживаю эти инициативы. У нас колоссальное количество идей по изданиям. Что касается экспедиций, то здесь нас поддерживаем Министерство культуры РФ, и каждые два года нам дают средства в рамках федеральной целевой программы.

И.: А в методическом плане образовательная составляющая обеспечена?

Л.Ю.: «Чум» является методическим центром. По результатам своей деятельности мы выпускаем методические пособия. У нас достаточно богатые этнографические фонды, и они тоже все рабочие. Как они к нам поступают? Прежде всего, мы их берём в экспедициях. Последнее пополнение было свыше ста единиц. Пришёл человек, который собирал материал по нганасанской атрибутике, украшениям, металлическим элементам. Пришёл и сказал, что не может просто так уехать из Дудинки. Отдал нам материалы, но идола мы передали в Норильский музей, потому что у нас «живой организм», а не музейный. К идолам нужно особое отношение. Всё остальное оставили у себя, хотя наши «коренные» всё почистили, провели необ-

ходимые обряды. Просто понимаете, как у нас всё серьёзно? На высоком аутентичном уровне. Сейчас мы делаем стойбище, и я с ними консультируюсь. Например, могу ли я сделать ритуальные идолы, как например в эскизе. «Нет, не нужно этого делать», — говорят. Ведь у каждой мастерицы будет свой чум, за которым они будут ухаживать, жить в нём. Чтобы было всё-всё по-настоящему и никакой подделки.

И.: Вы не рассматриваете возможности привлечения современных технологий: онлайн-трансляции, мульти-медиа-ресурсы создавать?

Л.Ю.: Конечно, мы всё это делаем. Снимали и делали видеоуроки для себя и отдавали в другие посёлки. Видите, у нас Интернет-соединение низкого качества. Мы, конечно, задумывались и делали. У нас есть и студия звукозаписи: записываем национальные песни. Мы выпускаем диски, но и диски становятся переносчиками опыта по другим посёлкам.

И.: А создаёте ли вы цифровые библиотеки? Планируете?

Л.Ю.: По поводу литературы. Каждая книга, имеющаяся у нас, есть в PDF-формате. Всё выложено на нашем сайте, и там можно всё посмотреть. По поводу перевода в цифровой формат, уже несколько лет работаем в проекте по созданию фольклорного архива, и все записи, хранившиеся десятилетиями на плёнках, на бобинах, — всё это переводится в цифровой формат. Больше трёх тысяч записей хранится в нашем фонде. Скорее даже не фольклорный архив, а этнический, разного содержания материалы хранятся: ДПИ, культурно-массовые мероприятия. Иногда даже сами удивляемся, как много мы сделали.

И.: Был ли перерыв в советскую эпоху в развитии ДПИ у коренных народов Сибири, если да, то когда и почему?

Л.Ю.: Знаете, я так думаю, что да. Всех ровняли «под одну гребёнку», и исчезли национальные костюмы, стали носить больше европейское. Тогда это (национальное) не ценилось, как например, сейчас. Много отдали вещей в то время различным институтам, поэтому мало что сохранилось. Сейчас наши «коренные» ценят то, что имеют. Была как-то потеряна цен-

ность принадлежности к своим корням, и кость также исчезла. Тогда были организованы артельные мастерские. Я по Дудинке знаю, что были сувенирные мастерские. Тогда занимались чеканкой, ширпотреб делали... А вот только сейчас Министерство культуры стали задаваться вопросом о возрождении традиционного декоративно-прикладного искусства.

И.: Есть ли административные проблемы, или власти идут на встречу в реализации проекта стойбища?

Л.Ю.: Конечно, когда витают в воздухе такие проблемы, то мы их решаем. Во-первых, это наша краевая собственность — наше учреждение и земельный участок. Конечно, всё согласовывается с властями, городом, архитектурой. Ведь нужно уважать традиции тех людей, которые жили испокон веков тут. Всё же для местного населения. Уважать — значит знать.

**Экспертное интервью с мастерицами
Анной Павловной Яроцкой, Мариной
Фёдоровной Ярославцевой. КГБУК
«Таймырский Дом народного творчества
(«Чум»), г. Дудинка**

Интервьюер (далее — И.): Первый наш вопрос, а где Вы научились творить?

Мария Федоровна (далее — М.Ф.): Я закончила музыкальное училище, сейчас это художественное училище. Это было в Норильске. Мы все имеем среднее специальное образование, высшего у нас нет. Четыре года в училище и всё.

И.: А до этого уже были какие-то навыки? Например, мама научила, бабушка показала... Или только профессиональное обучение?

М.Ф.: Во время учёбы я обучалась в мастерской, и мы работали там с мехами: изготавливали шапки, коврики на стену. Я не шла туда целенаправленно. Просто у нас в школе закончили ребята, и затем позвали нас туда обучаться. Так и пошли толпой. Попали без экзаменов.

М.Ф.: А я же дочь потомственных оленеводов. Всё это знать было жизненной необходимостью. Нас всех девочек с детства учили и учат шить.

И.: В северных сказках говорится, что самое ценное для девушки, принадлежащей к народам севера, это — иголка...

Анна Павловна (далее — А.П.): Да, именно так. Я видела у мамы коробку с бисером, и он меня очень сильно привлекал. Вот так постепенно я училась. В доме пионеров. Мама, конечно же, научила меня держать иголку, шить. Сейчас я шью на продажу.

И.: А вот то, что вы начинали шить в детстве, использовалось в быту? Было не только для красоты?

А.П.: Конечно, не только для красоты. Рукавицы, обувь и многое другое делали из оленей шерсти. Шить всю национальную одежду я научилась, смотря на свою маму.

И.: Скажите, пожалуйста, сейчас эта одежда используется?

А.П.: Да. У меня на балконе лежит сумочка и там у меня национальная одежда. У дочки есть, у сына. Постоянно используем её. Ездим в посёлок на снегоходах. Самое надёжное и тёплое. Никакие современные технологии не помогут. У большинства ненцев есть национальная одежда. Одежду у нас хранят в холоде, потому что если её хранить в тёплом месте, то она испортится.

И: Помимо того, что одежда очень практичная, тёплая и очень удобная, сохраняется ли в ней элемент духовности, сакральности? Важен ли он сейчас? Используете ли орнамент и какой используете чаще всего?

М.Ф.: Да, конечно! Это всё сохраняется.

А.П.: Конечно. У моей дочери одежда в орнаменте, да и у меня. Какой есть орнамент, такой и используем.

М.Ф.: У нас довольно таки много их, и они очень разнообразные.

А.П.: Например, орнамент «Танец огня» или «Взлетающая птица», где в центре изображён огонь. Рядом с ними сидят люди или, по-другому, «человеческие головки». Греются около костра. Вокруг чума же бегают маленькие оленята. Поэтому и называется «Танец огня». Огонь отражается на лицах людей...

И.: А кумаланы вами для чего используются?

М.Ф.: В чумы вешаем.

А.П.: Для украшений, для танца. Вообще кумалан вышел из эвенкийской культуры. Как солнышко.

И.: Мы видели такие из меха...

М.Ф.: Да, у них есть такие. У них бисера не так много. Обычно они могут использовать мех, все орнаменты, и бисер в том числе.

И.: А вот помимо территории самого Таймыра, вы выходите на более широкую площадку?

А.П.: Конечно, выходим. В своей национальной одежде. Вот сейчас в Красноярск поедem.

И.: А с этносами Канады или Скандинавии Вы пересекались?

А.П.: Пресекались, они частенько к нам приезжают.

М.Ф.: Обычно с финнами. Мы даже туда к ним ездили.

И.: А скажите, сильно ли отличаются ваши орнаменты от этих этносов?

А.П.: Конечно. Национальная одежда. Да и мы отличаемся, естественно. Совершенно всё по-другому.

М.Ф.: Мы используем нганасанские орнаменты, долганские, эвенкийские.

И.П.: Любовь Юрьевна говорила, что вы постоянно отправляетесь в экспедиции?

А.П.: Да, собираем информацию и шьём такую одежду, которая должна быть по-настоящему традиционной.

И.: А с какими самыми древними вариантами вы сталкивались? Что сохранилось? Что реставрируете?

М.Ф.: У нас есть ненецкие, долганские меховые парки. Всё у нас есть.

И.: Какой срок службы у парки?

М.Ф.: Ой, долго они служат, парки наши. Не один десяток лет, и шьётся она маленькими швами. Именно оленьими жилами. Простая нитка прокисает быстро, а вот оленьи жилы, они вечные. Прежде чем шить традиционную одежду, мы изучаем литературу, ездим в экспедиции, чтобы всё точно было. Ненецкая парка шьётся также, как и раньше предки наши шили. Оленеводы наши шьют всё точно также. Орнаменты стараемся использовать разные: «бегущая собака», «локоть лисицы», «оленья тропа». Есть мужские стилизованные костюмы, и называется один из них «След медведя».

И.: Различается ли орнамент мужской и женский?

А.П.: Практически не отличаются. Единственное, что орнамент «рога быка», «рога оленя» используют мужчины, а женщины — «бегущую собаку», «локоть лисицы». Поменьше животные — для женщин, а покрупнее — для мужчин.

И.: А есть ли разделение в одежде? Например, одна повседневная, а другая праздничная.

А.П.: Естественно! Праздничную украшают, в основном... Вернее, орнаментируют полностью. Например, у наших ненцев. Повседневная одежда, она просто в полоску или же вообще

без орнамента.

И.: А какие есть праздники, где обязательно нужно быть в праздничном одеянии?

М.Ф.: Например, День оленевода. Свадьбы... Практически на всех праздниках надевают её.

И.: Вот про нгнанасанскую одежду, часто шутят, что это «Чёрный квадрат» Малевича. Есть разные версии орнамента происхождения орнамента?

А.П.: Любят говорить нгнанасаны, что это не Малевич придумал, а именно их народ. Ведь они живут со времён мамонтов. Мамонты вымерли, а мы остались живы. Так что это нгнанасанский чёрный квадрат. По нгнанасанской одежде можно узнать, сколько жён, сколько оленей, сколько детей. Вместо паспорта. Вдова ли женщина или молодая женщина. У нас пожилые женщины и вдовы носят безузорчатые парки. С узорами лишь молодые. Если девушка вышла замуж, то парка должна быть орнаментированная. Такую одежду в дальнейшем она может надевать на праздники. Ненецкая одежда, например, она свободна. Даже если женщина поправится, то ничего страшного. Она свободная.

И.: А в наследство передаётся одежда?

А.П.: Нет, только для одного человека шьётся. У каждого должна быть своя одежда. Вот ещё от детей, да. Если ребёнок вырастает, то можно передать маленьким братику или сестрёнке. От матери — нет. Грех большой. Болезни могут передаваться. Женскую одежду мужчина не наденет. Должно быть всё своё. Мы шьём костюмы ведущим, чтобы было красиво. В зависимости от праздника... Если ненецкий праздник, то это ненецкое платье. Долганское событие, то долганское платьишко.

И.: На свадьбе молодые, наряжаются в традиционные наряды?

А.П.: Вот пока нет. Если оленеводы женятся в тундре, то да, они надевают традиционную одежду: белая орнаментированная парка. Точно, не в чёрной. Если мама невесты не умеет делать орнамент, т.к. очень сложно из меха сделать его, то она заказывает парку. Или же просто орнаменты заказывает,

а потом шьёт парку. В городах такого уже нет, конечно, но на праздники мы выходим в своей национальной одежде.

И.: Всё -таки самый большой праздник — это...?

А.П.: День оленевода, День рыбака, день Коренных народов, встреча Солнца. День рыбака уже был. Проходит он обычно в начале июля во всех посёлках. Да, проходят фестивали различные на национальную тематику.

И.: Вы — известный мастер, но есть ли другие мастера на кого, можно, так сказать, опираться?

М.Ф.: Есть, конечно, но я сама не по специальности. Вообще я экономист, бухгалтер. Но меня пригласили, так как меня когда-то, как я уже и говорила, учила шить мама. Я сама к этому стремилась. Моя дочь интересуется, браслетики плетёт. У нас разные кружки, и я работаю в доме детского творчества.

И.: А вот помимо того, что Вы с детьми создаете орнаменты, чем ещё занимаетесь?

М.Ф.: Я на своих уроках, которые проходят у нас два раза в неделю, разговариваю с детьми на ненецком языке. Я собираю ненецких детей с интернатов, по городу, кто приходит. Вся беседа проходит строго на ненецком языке. Рассказываю про кухню, как готовить национальную одежду, как выделывать шкуру. Всё традиционным способом, чтобы значили свою культуру. Беру детей от 7 и старше. Лишь бы было желание.

И.: Вы говорите, что разговариваете с ними на ненецком. Они уже приходят со знаниями?

М.Ф.: Некоторые знают, некоторые нет. Например, моя дочь понимает, но говорить не может. Дети, конечно, приходят, зная при этом свой язык. Пока мы в городе стараемся говорить на нём, чтобы не забыли потом...

И.: А есть ли литература на родном языке?

М.Ф.: В Таймырском доме народного творчества есть много различной литературы. Можно спокойно научить ребёнка разговаривать на ненецком языке. Мы воспитываем на родных языках. У нас язык мягче, чем русский. Если уж ругаем, то на родном языке. Наш язык более проникновенен.

И.: Какие-то духовные обычаи соблюдаются?

М.Ф.: У нас — да. Мой сын, например, старается перенять и проникнуть в ненецкую культуру и обычаи. Я не буду креститься, говорит, я ненец. Меня оберегают мои идолы. Также обижается, когда младшая сестра нечаянно наступит на его вещи, мол, нельзя ей наступать, ведь она женщина в будущем. Я, конечно, вожу своих детей в тундру, в оленеводческие бригады. Это им нравится. Нужно заранее договаривать об этой экскурсии. Уж больно долго олени привыкают к людям.

И.: Как Вы думаете, ребятишек лучше здесь оставить в родных краях или же отправить куда-то?

М.Ф.: Я бы, конечно, за то, чтобы дети остались, но мой сын, которому 17 лет, уже не стремится к этому. Говорит, что останется там, где будет учиться.

М.Ф.: Я вот некрещёная и не собираюсь креститься. Я считаю, что меня охраняет свой бог и свои духи.

И.: Обряды соблюдаете?

М.Ф.: Конечно. Обряды очищения. После похорон. Или же я забирала роженицу, тоже приходится очищаться дома. Как будто становится легче. Ведь неизвестно, откуда пришёл этот ребёнок. То ли с рая, то ли с того мира... Надо потом и ребёнка очищать. У меня периодически дети этим занимаются.

И.: А вот тесно же взаимодействуют разные народы и коренные, и приезжие. Всё равно сохраняются традиции?

М.Ф.: Конечно! Как-то раз приехал русский из Газпрома на вездеходе. Спрашивают его, а ты как проехал? Там священная сопка. Если ты проехал с той стороны, то лучше объезжай с другой. Он заявил, что не верит в это. По итогу, у него сломался вездеход. Потом он приехал в город и ногу сломал, а затем и премии его лишили за сломанный вездеход. Вот он потом и поверил в это: «Я эти священные сопки буду за километр обходить!» Обошёл одним путём, значит, иди обратно точно так же. Иначе быть беде. Всё равно некоторые следуют своим традициям. Даже если есть квартира в городе, вот у наших знакомых, но не переезжают. Говорят: «А как мы оставим своих оленей? Землю? Бог нас накажет. Будем бедствовать. Тут сво-

бода: хочу наловлю рыбы, делаю, что хочу». Они берегут свои сети, рыбачат в одно время. Не охотятся на птицу, как попало, в начале июня они постреляли перелётную птицу, а потом — всё. На куропатку только в марте. Зайцев только в ноябре. Они сохраняют животных и природу. Жалуются на приезжих, мол, оставляют свои буровые.

И.: Вы говорили про мастеров из разных стран. Всё-таки они перенимали у Вас опыт или вы их?

М.Ф.: Они приехали, чтобы запечатлеть на своих картинах людей, природу. Говорят, что неужели ещё есть такие чистые люди и совсем неиспорченные. У вас будто все довольные, все радуются. Очень удивились, что с младенчества приучают детей к работе. Лучше, конечно, выучить детей с маленького возраста, чем с интерната. Правильно и жить, и шить. Чтобы они в своём труде правильно передавали традиционные мотивы и сохраняли культуру. Много же разных нюансов существует.

Экспертное интервью мастером-косторезом Николаем Михайловичем Киргизовым, КГБУК «Таймырский Дом народного творчества («Чум»), г. Дудинка

Интервьюер (далее — И.): Расскажите, пожалуйста, как Вы получили образование резчика скульптуры? Когда Вы начали этим заниматься?

Николай Михайлович (далее — Н.М.): Я Норильский колледж закончил. Поступил в 2000, закончил в 2003, экстерном сдал. Ну и с 2003 года здесь поселили. По диплому мы как деревянщики считаемся, декоративно-прикладным мы, в основном, владеем.

И.: Т.е. фактически в колледже Вас по дереву учили работать?

Н.М.: Да, по дереву, в конце, где-то на 3 курсе, мы начали по кости работать.

И.: А до этого вообще опыта не было?

Н.М.: Нет, только видел раньше в поселке делали.

И.: Самобытные какие-то мастера, да? Самоучки? А в принципе, можно ли резьбе по кости научиться как самоучка, без мастера, без учителя? Или это невозможно?

Н.М.: Почему, можно. В 101раз обязательно получится. Как сказать-то... Будете начинать также с почерка какого-то мастера, например, который Вас учит. Со временем уже появиться свой почерк.

И.: А Вас кто учил?

Н.М.: Меня в колледже учили. В основном мы друг у друга учимся. Сидим в мастерской вчетвером и потихоньку. Или выставки какие-то, и Интернет в большей части. И в какие-то идеи добавляем уже свое. Сюжеты наши северные, тут обычно сказки, легенды, быт.

И.: А технологии?

Н.М.: Технологии? Сейчас современная жизнь, сейчас же бормашинками все. Технологии сейчас современные: бормашины, фрезы, т.е. намного легче, чем раньше это было.

И возможностей побольше стало с бормашинками. По началу, конечно, тяжело. Это мы сейчас такие *мастодонты*. А раньше тоже так же начинали... ковырялись и ныли.

И.: Рог же он разный, разных животных. С каким легче работать? С каким сложнее работать? С каким ценнее работать?

Н.М.: Наверное, лучше сказать так: сложнее сделать идею, которую ты придумал, из любого материала — хоть она будет из пластилина, хоть из бивня мамонта. Сложности во всём одинаковы. Материал может быть только любимым материалом. Я люблю по бивню мамонта работать. Ну и рог оленя тоже люблю, потому что, например, из бивня я не смогу сделать то, что я смогу сделать из рога, и наоборот. У всех материалов есть свои преимущества.

И.: В Ваших произведениях идея основывается и на традиции, и на чем-то современном? Какие-то современные сюжеты используете?

Н.М.: Ну, тут надо проходить отдельно по каждой композиции, потому что идея, по большому счету, это Север просто.

И.: То есть, и современный Север, и традиции, и фольклор?

Н.М.: Да.

И.: Из представленных здесь работ, какая Вам чуть более дорога, более любима или, может, с ней хуже всего получалось или лучше всего получалось?

Н.М.: Самая любимая работа здесь, наверное вот эта, наверное — «Семейная идиллия». Из этих... я даже не могу сказать...

И.: Как дети, да, все любимые?

Н.М.: Любимой конкретно-то и нету, я считаю.

И.: Вы участвуете в различных конкурсах или выставках? На какие-нибудь международные выходили?

Н.М.: Я участвовал в «Мир Сибири», это первая была мастеровая, потом в Якутии, в Тобольске, в Салехарде, ну и в Москве, и в Финляндию вывозили. Куда приглашают, если есть возможности финансовые, то мы стараемся выезжать.

И.: Косторезный промысел, он же развит в нескольких регионах России. Как Вы считаете таймырская резная кость она

сильно отличается от других?

Н.М.: Таймырская резная кость не похожа ни на одну.

И.: А чем она так уникальна?

Н.М.: Уникальна тем, что в Таймырской резной кости есть вырванное со всех территорий по кусочку и собранное в одну кучу, т.е. и получилось нечто другое. Тут где-то есть черты якутской, есть чукотской, есть холмогорской и уже что-то свое. То есть, в совокупности получается другое совсем. Я, например, на выставки ездил в Якутии, Тобольске, Москве, похожих работ атомических нету. У них все-таки школы есть такие — Тобольская, Якутская резная кость, у них в Якутии — это монолитные, в Тобольске и Холмогорской — прорезные, на Чукотке обобщенные работы. У нас, например, есть как обобщенные, но тут же есть и какие-то детали в подробностях — взъемы опять же. И особые как будто бы видно, есть рамочные орнаменты, но такой схематичности у нас нет.

И.: Как Вы решились стать мастером?

Н.М.: Ну почему я стал мастером...? Не знаю, просто мастер умелец такой. Тут и финансовая сторона хорошая.

И.: Можно быть мастером и обеспечивать себя?

Н.М.: Да, основной у меня доход — это реализация, т.е. я работаю под заказы, и плюс я не просто сижу на работе, а занимаюсь любимым делом и могу зарабатывать на этом деньги.

И.: Это же все равно по времени затратно? Сколько примерно даже какая-нибудь маленькая монолитная работа создаётся?

Н.М.: Часа два уходит.

И.: Часа два? Всего лишь?

Н.М.: Ну, это в данный момент часа два, а лет 10 назад уходил день, может. Потому что все равно, например, я хоть и делаю тысячного мамонта, стараюсь делать его еще лучше, т.е. с каждой работой я чему-то учусь, даже хоть и нет учителя, но все равно на своих ошибках, надо стараться получше сделать, хоть тот же самый кубик, но будет лучше.

И.: А у Вас есть ученики?

Н.М.: Учеников таких конкретных нет.

И.: А ребятишки? Клубы какие-нибудь есть?

Н.М.: У нас в центре есть студия «Мамонтенок», я там раньше преподавал. Честно сказать, я не люблю с детьми заниматься, пока их усадишь. Тем более, начиная с 5 класса, там группа набирается, они до 11 класса рассеиваются, остаются два-один человек. И то, он то приходит, то не приходит. А со студентами у нас практики бывают. Ну, студенты тоже народ вольный — то здесь, то там. То есть, постоянных учеников нет.

И.: А материалы? Насколько легко или тяжело их достать? Вот бивень мамонта — исчерпаемый ресурс всё-таки.

Н.М.: Бивень мамонта... ну, например, я его не ищу. Ребята знают, которые занимаются этим, мне звонят предлагают. А поставщиков человека три хватает. Иногда бывает, что в центр принесут.

И.: Ну это всё найдено здесь, на Таймыре?

Н.М.: Да. И до сих пор находят. Вчера приходили предлагали. Поэтому проблем с материалом нет. Главное, чтобы были финансы на них. С рогом оленя вообще нет проблем, т.к. мы сами ездим на охоту.

И.: Для сценок, которые изображаете, Вы черпаете сюжеты из реальной жизни, из реальных стойбищ, например, или все-таки фантазия здесь больше?

Н.М.: Ну, больше фантазии, конечно, ну и воспоминания из детства. Потому что я до 5 или до 3 класса на каникулы ездил. Родители раньше жили в тундре, не постоянно, а так. Ну, и с дедушкой, бабушкой, когда дед еще жив был, ездил часто (каждые каникулы). А остальные сцены — охота или рыбалка. Потому что каждый выходной стараемся выезжать. Ну, не на оленях, конечно, сейчас на снегоходах. Потому что сейчас с оленями в Хатангском районе вообще проблемы. Лет через 20 и вообще не будет ничего.

И.: Вы диких имеете в виду?

Н.М.: Домашних. Да и дикого, я думаю, скоро не будет.

И.: А почему Вы так считаете?

Н.М.: Охотников много. Я думаю, у нас в Дудинке охотников только около 300, а может, 500 человек. Плюс Талнах, Норильск,

все охотимся потому что на одной территории. Плюс Хатангский район, там тоже немало охотников. Я думаю, они вымрут. Скоро не будет их.

И.: Еще и промышленники приходят?

Н.М.: Да, сейчас в Хатангской районе вообще много геологических походов. Вот. Приходите, записывайтесь в нашу студию «Мамонтенок».

И.: Хорошо. Вы позволите Вас сфотографировать на фоне Ваших работ?

И.: Спасибо большое.

Экспертное интервью с мастером-косторезом Алексеем Николаевичем Чунанчаром, КГБУК «Таймырский Дом народного творчества («Чум»), г. Дудинка

Интервьюер (далее — И.): Представьтесь, пожалуйста.

Алексей Николаевич (далее — А.Н.): Чунанчар Алексей Николаевич, художник-мастер резьбы по кости.

И.: Давно Вы занимаетесь костью?

А.Н.: Костью я занимаюсь примерно лет 15 -16, т.е. как начал в 1999, поступил в колледж, Норильский колледж искусств, в тот же как Николай Киргизов, только он после меня поступил.

И.: А Ваш выбор был осознанным или неосознанным?

А.Н.: Неосознанным был. Я хотел поступить туда как художник, т.е. пейзажи писать, портреты ну и тому подобное, по бумаге чисто писать.

И.: А как в итоге с костью?

А.Н.: В итоге вот научился там. Там в основном больше работы по дереву, по кости только дипломная получается. Ее вырезать надо было. Мне понравилось это все — лепить там из глины, руками это все делать, фигурки получались. У каждого художника талант, конечно, есть. Если у тебя в творчестве есть потребность, то все получится.

И.: А до этого нигде не пробовали вырезать по кости?

А.Н.: Нет. К сожалению, нет.

И.: В колледже только?

А.Н.: Да, в колледже начал вырезать, пробовать это все. А так я в школе только рисовал.

И.: А в Вашем творчестве какие сюжеты? Вот здесь, я так поняла, всё Николая Михайловича?

А.Н.: Здесь Николая Михайловича работы. Мои витрины все там. Могу Вам показать мои работы: вот первая, вторая, третья, четвертая витрины. Работы у меня все... Природный материал почти такой остаётся, какой и есть, просто некоторые элементы добавляю, чтобы подчеркнуть что-то.

И.: То есть, Вы почти не обрабатываете, получается?

А.Н.: Да. У меня все работы такие.

И.: Форму открыли самого материала?

А.Н.: Просто поиграл вот так вот — влево, вправо повернул, и в другую сторону, и видать уже саму структуру, а вот часть убираешь, что ненужное — всё, вот она уже сама работа готова. И полностью, что природа показала, на ней все показано.

И.: А по сюжетам тоже северная тема?

А.Н.: Да, в основном всё северное. Мне дедушка рассказывал сказки, так же начальных классах преподавались сказки северных народностей, сказки бабки рассказывали и читали. Вот это всё и фантазии в голове. Без всяких эскизов.

И.: А Вы какой материал предпочитаете?

А.Н.: Ну если пофантазировать, то рог оленя, каждый рог индивидуален, у него нет повторения в мире даже у другого оленя, т.е. у третьего, четвертого нет. У них все по-разному. Как отпечатки пальцев, можно сказать, у каждого человека разные, то же самое и с рогом оленя — нет одинаковых. Я рос и вырос в оленеводческой бригаде. Рассказать Вам о моих работах еще или что?

И.: Да, расскажите, пожалуйста. Выглядит очень здорово.

А.Н.: Ну вот ближняя работа — это у нас в основном такие роды. Род ворона, род медведя, роды животных каких-нибудь и птиц. Это род чёрного ворона, т.е. это сам род: дедушка несет свой род — на крыле свою внучку, она направляет — в какую сторону и куда везти. А вон та работа из пластинки передней части рога — охотник-лучник охотится на куропатку или же на другую дичь — зайца или песка. Как раньше, в древности у нас без ружей, только с луком охотились. Хотите следующие посмотреть, там игры детские, дети играют, учатся, навыки приобретают себе, рядом собачка. Я с одного кусочка отрезал и добавил лица и руки, а остальное — чисто природный материал, какой был, такой и остался, также ноги там. А вот нижняя часть у нас ледниковый период. Вот это тоже целиком и полностью одна такая как бы ветка идет, подумал чуть-чуть и целиком ее вырезал — охотник на куропаток. Ну и там еще там мно-

го всяких работ.

И.: У Вас есть ученики?

А.Н.: Ну у нас действует сейчас детская студия «Мамонте-нок», я три года преподавал, но это было уже лет 5 назад. Те ученики уже выпустились, даже сейчас уже сами косторезами стали, некоторые из них не по своей специальности уже работают. Много их здесь по городу, вакансий не хватает на всех.

И.: А как Вы считаете, сохранение искусства косторезного — это важно для сохранения северных коренных этносов?

А.Н.: Конечно, это важно. Свои навыки показываешь, своим детям рассказываешь, как это было все раньше, как родители также играли и вырезали все, показываешь эти детали, какие одежды носили (как это было тепло), потому что, когда это рассказываешь с удовольствием, они аж тоже хотят начинать, ближе к этому стремиться, чем-нибудь заняться таким северным. Детские игры мы здесь проводим иногда: день нганасанской культуры, день долганской, день ненецкой, эвенкийской культуры, на улице у нас там разные игры есть, и дети с удовольствием уже начинают играть, когда расскажешь, когда покажешь, когда они еще полепят каких-нибудь человечков, оленей или что-нибудь еще. Тогда с удовольствием начинают этим заниматься.

И.: Через занятие-игру лучше передается?

А.Н.: Да, лучше, чем, когда рассказываешь, они устают это долго слушать. Ну мы стараемся брать детей из первой школы (школа-интернат), которые приехали из оленеводческой бригады. Оттуда, потому что они в основном на улице играют, другим не занимаются, руками ничего не делают у себя там.

И.: Николай Михайлович сказал, что техника сейчас уже современная (это бормашины, фриза и прочее), а есть еще мастера, которые работают в старинных традициях? Резаками?

А.Н.: Нет, скорее всего, нету. Это, конечно, сложно и ждать долго. То есть отмачивание дня 2—3, вырезать, успевать вырезать все лишнее, опять отмачивать, опять вытаскивать, опять вырезать что-нибудь.

И.: А в принципе, знание сохранено об этой древней техно-

логии? Или нет?

А.Н.: Нет-нет, скорее всего, нет, наверное. В основном что вырезалось? Там же они фигуры не вырезали как таковые, кроме, как, например, идолов каких-нибудь двухликих, трехликих, и все. И то, она делалась раз в 5—10 лет, чтобы она одна была на семью полностью, и потом передавалась потихонечку. Думаю, что даже 40 — 50 лет. Все. А так вырезались пуговицы, ремень, чтоб завязывать, вязку делать, застегивать. Орнаменты мало кто делал, у кого есть желание, тот мог делать, вырезать ножичком орнамент на пластине бивне мамонта, чтобы красиво на праздник приехать. В основном все такое купленное, купцы привозили.

И.: Получается сейчас стационарные мастерские?

А.Н.: Да, все сейчас германское, и итальянские бормашины. Все разное, пылесосы там.

И.: А они специализированные инструменты или стоматологические?

А.Н.: Нет, специализированные. Специальные такие инструменты.

И.: Бывает, что стоматологические используют?

А.Н.: Нет, совершенно другие стоматологические. Они более слабые (стоматологические), и они более ювелирные, в основном. У нас их две штуки, одна для грубой обработки (большие такие), чтобы лишнюю часть быстрее убирать, другие поменьше, для мелкой детализации. А боры у нас не отличаются, конечно, от стоматологических.

А.Н.: Ну, видите вот отличаются мои работы от работ Коли Киргизова?

И.: Конечно, видно, что разные мастера.

А.Н.: Его работы четче и ближе к скульптурным, чем мои. Вот это как оберег, он охраняет от злых духов, от пурги, от плохой болезни. «Два борца» — это соревнование проводят каждую весну после Дня оленевода, т.е. перевернуть и просто рог один обычный. Вот так перевернул, добавил — и вот она, работа. (Следующая работа) — это тоже дух мужской и женской линии, ну, то есть, эти пластинки — основа женщины, их носят

спереди, и также у всех животных — общается полностью дух. Это охотник, чтобы пойти на охоту, сначала надо к шаману прийти, чтобы он дал добро и чтобы удачу он вам принес, через него проходите, и там уже идешь на охоту. Также на них и родовые знаки, кто и что его поддерживает.

И.: Медведи прекрасные. А это нож или нет?

А.Н.: Это нож, да. Моя третья или четвертая работа.

И.: А лезвие из чего?

А.Н.: Ну у нас лицензии нет, чтобы мы из железа делали настоящие ножи, и также при перевозке нужно специальное разрешение, чтобы где-нибудь поучаствовать. В основном, делаем из кости.

И.: То есть декоративный получается?

А.Н.: Да. Все это природный материал, просто добавим глазки и все. Это работа «Три мира», вот верхний.

И.: А дерево какое?

А.Н.: Дерево? Обычное дерево. Поехали за город, старую ель срубил, кое-что подправил, убрал.

И.: Материал сам нашел себе мастера?

А.Н.: Да, находит.

И.: Можно на неделю у одной витрины застрять и разглядывать.

А.Н.: Вот самая широкая работа: начиная от камлания шамана, вот эти идолы его защищают, его сзади держат специальные идолы, чтобы его душа не улетела, а также духи, которые его поддерживают на самом костре. А это мастерица учит внучку вышивать одежду, также нитки для дома, а малой там ползает, мешает.

И.: Это тоже все из рога?

А.Н.: Это все рог оленя. А вот, можно сказать, глухари или же гуси дикие.

И.: Трубка рабочая?

А.Н.: Трубка, да, рабочая. Если там внутри пластинка железная есть, значит да. Если нет — значит декоративная.

И.: Про рыбу расскажите. Это щука?

А.Н.: Это не я вырезал. Это Протов Алексей.

И.: А вот эта работа Ваша?

А.Н.: Вот эта моя и дальняя. Здесь, получается два рыбака, вот с этой стороны посмотрите, три человечка, и с другой стороны посмотрите — там только два

И.: А у Вас в роду тоже были косторезы?

А.Н.: Мой отец не косторезом был, а из дерева делал санки и др. мастером был, но по дереву в основном. Когда я только пришел сюда, я не сильно занимался резьбой мамонта, вот первая работа мамонта. Они с возрастом уже позатасканные на разных мероприятиях.

И.: А вообще насколько хрупкий материал, когда создано произведение?

А.Н.: Материал трескается

И.: Никаких техник не придумывают, чтобы сохранять произведения, чтобы не трескались? Утрачены технологии старинные?

А.Н.: Нет, вот стакан стоит. Вовремя воду нужно наливать, чтобы не пересыхало и влагу держало. Каждый раз не посмотришь, это открывать и закрывать надо, чтобы мыть. Да и времени... там надо сделать, там надо сделать... У некоторых, может, есть автоматический.

И.: Ну да, в каких-то, может, больших музеях. Со специальным режимом, чтобы температуру регулировать. Спасибо Вам большое.

А.Н.: Пожалуйста, пожалуйста.

Экспертное интервью с Мариной Геннадьевной Жарковой, директором МБУК «Городской Центр народного творчества», г. Дудинка

И.: Скажите, пожалуйста, каково отношение сейчас к традиционной культуре?

Марина Геннадьевна (далее — М.Г.): В первую очередь сейчас наблюдается, что у молодежи проявляется интерес к своей культуре. Часто стали обращаться к нам, хотят изготовить национальную одежду. Это радует, особенно в условиях города, этот интерес наблюдается и у взрослых, и у детей. На праздники они выходят — делают это с большой гордостью, одевают детей, все такие красивые, яркие. Что касается изделий, то в основном это оформление своего жилища.

И.: И дома, и квартиры украшают?

М.Г.: Да, стараются. Хоть и небольшие предметы, немного, но все равно присутствуют.

И.: Это же не только ради красоты, верно?

М.Г.: Вообще декоративно-прикладное творчество — в тундре, непосредственно те, кто находится в компактных местах пребывания коренных народов. У нас это тундра, где непосредственно ненцы проживают и оленеводство развито, Хатанга — сельское поселение, поселки: Сындасско, Попига́й, Новорыбная, где остались еще оленеводы. Дело в том, что если делать непосредственно из оленьего меха изделия, то они делают это у себя на месте, еще тем «дедовским» методом. Я считаю, что шкуры обработанные этим национальным методом наиболее приспособлены к северу. Если их обрабатывать в специальных мастерских каким-то химическим способом, то они становятся не такими крепкими и приспособленными. Видимо, от этих химикатов они портятся. Поэтому эта традиция дедовская осталась, на местах это все есть, особенно в поселках. Все обрабатывается кустарным методом, скрепки есть специальные. Может показаться, что немного приспособлений, но они вечные. Сейчас выдумывают какие-то новые

машинки, но они не приживаются. Это и качество поясов, ненцы, например, ткнут пояса, это очень кропотливая работа. У нас есть ненецкий семейный клуб «Майма», в него ходит более 40 семей, и ему исполнилось уже 10 лет. Этот клуб вошел в тройку лучших клубов Красноярского края. У них был проект «Родная речь», и они старались возобновить качество поясов, это пользовалось большим успехом, и даже сейчас обращаются. Проект уже завершен, но есть предложение восстановить данное направление в декоративно-прикладном творчестве. Сейчас мы над этим думаем и, скорее всего, мы его возобновим. Наш руководитель, Елена Кимовна, владеет этим способом изготовления поясов. А так конечно, в поселках шьют одежду из оленьего меха, непосредственно самим оленеводам и рыбакам. Есть мастерицы-искусницы, которые вышивают бисером и меховую мозаику делают — она не менее сложная. Ненцы — непревзойденные мастера меховой мозаики, идет комбинация белого и черного меха. Это очень красивые изделия. Долгане занимаются бисером. У нганасан 3 основных цвета: красный, черный и белый. Это самый древний народ на Таймыре, и больше их нигде не встретишь, по последней переписи их насчитывается 800 человек. На их одежде обязательно сзади черный квадрат — это связь с космосом. У нганасан очень уникальная одежда, сзади много ремешков, но это не для красоты, это как аналог паспортно-визовой службы, потому что если человек разбирается в этих старинных письменах, то он бы легко мог сказать сколько у этого человека оленей, сколько у него жен, детей, с какого он племени (охотник, рыбак, оленевод). У них очень уникальная обувь. Если смотреть народы Сибири и Дальнего Востока, то у них одна обувь — бакари, не важно длинные или короткие, они из оленьего меха. У нганасан они идут прямые, без выемки под стопу. Когда впервые на Таймыр приехали купцы и увидели эту обувь, они сказали, что видели людей со слоновыми ногами. Это делается для сохранения тепла и возможности бегать по снегу и не проваливаться. Имеются разнообразные очки, которые использовались в одежде. Мы выезжали на фестиваль «Мир

Сибири» и проводили обряды: 3 охотника (долгане, ненцы) представляли разные очки: из оленьего рога, из оленьего меха, из сукна, расшитые бисером. Мы так же проводили мероприятия орнамента с плетением на фестивале национальной одежды (это очень уникальный фестиваль нужно будет его повторить). Там мы так же рассказывали об очках и говорили о том, что все было придумано давно. Очки защищали оленевода от ожога снегом. Еще очень интересна одежда. У ненцев она суконная и меховая, цветовая гамма сукна разнообразна и, конечно, орнамент. Каждый орнамент имеет свой смысл, это та же самая книга Мудрости, посмотрев на орнамент можно узнать, что хотела сказать мастерица. Так же у ненцев очень уникальны женские шапки, они очень тяжелые — килограмм 5—6, сзади у нее длинные трубочки (также очень тяжелые), они спасали от ветра и сохраняли тепло, так же они выполняли роль оберега. У коренных народов при рождении давали два имени: одно настоящее, а второе для людей. Это было нужно для спасения от злых духов, которые могли принести болезнь.

У долган более 7 разных видов парок: суконная, с вышивкой бисером, меховая вышитая подшейным волосом оленя или различными нитками. Если вы увидите парку вышитую розовым бисером, то это самый старинный бисер, сейчас такого уже нет. Женская парка у долган напоминает кафтан, сзади она длиннее, для того чтобы можно было сесть на нарты. Если сверху суконная парка, то внутри обязательно шуба из песка. Долгане более современный народ (я так же долганка), Киргизы считают себя нашими родственниками, потому что мы самый северный тюркоязычный народ. Киргизы приглашали нас на всемирный съезд тюркских народов, они хотели видеть именно северных тюрков. У нганасан очень уникальные вещи — комбине, меховой комбинезон, одевался на голое тело внутрь мехом, сверху надевалась распашная парка. Шапки у всех практически одинаковые, есть небольшие различия: у нганасан мех черной собаки обязательно, у долган из росомахи, бисерная. Честно говоря, мне не нравится шапка у долган из-за торчащего меха, но она очень теплая, защищает от ветра. У энцев одеж-

да похожа с ненцами. Энцы — финно-угорская группа, самодийская. Эвенки проживают у нас только в поселке Хантайское озеро, у них одежда схожа с долганами. Нганасаны уникальны, не имеют аналогов в мире.

В каждом населенном пункте живут мастера: например один делает нарты и является уникальным мастером; второй делает ножи. Есть мастерицы по пошиву уникальной традиционной одежды, по пошиву уникальных сумок. У нас проходит ежегодный конкурс декоративно-прикладного творчества на приз главы города «Северный сувенир». Этому конкурсу более 15 лет, есть каталоги продукции. Каких только изделий не присылают! Есть различные номинации: традиционная национальная одежда, национальная кукла, резьба по кости, современные традиции — стилизованные одежды. Традиционная одежда надевается только на большие праздники, в основном это какие-то воротники. Есть ансамбли национальной одежды: расшитые пиджаки, платья, костюмы — это уже стилизация. В основном придерживаются национальных орнаментов и основных национальных моментов. Считается, что если человек имеет свою теплую одежду, то жизнь будет хороша, а если через потертую одежду ветер добирается до тела, то продолжения никакого не будет. Конечно, нужно соблюдать все традиции, одеваться тепло, ведь северянин не тот, кто не мерзнет, а тот, кто хорошо одевается. Поэтому олень у всех северных народов — это непосредственно символ жизни, продолжения. Потому что если не будет оленя, то не будет теплой одежды и продуктов. У наших предков от оленя не оставалось ничего, вплоть до кишок. Сейчас у оленя срезают рога, вырезают язык и выбрасывают, так как не стало заготовительных пунктов, закрылись все мастерские в поселках.

И.: А вот вы говорили про мастерские в поселениях, они и сейчас есть?

М.Г.: Нет, раньше были, но сейчас все закрылось. Женщины пытаются что-то сохранить, собираются на дому. Единственная мастерская у нас у Аксины Ивановны Поротовой. Так же у нас есть четыре мастера костореза, которые работают

на постоянной основе.

И.: Как пополняется ваша коллекция?

М.Г.: В основном у нас предметы приобретались, сейчас наши мастера делают сами. Одежда здесь современная, это видно даже по материалу, но все обычаи соблюдаются, и добавляются современные элементы. Есть натуральная нганасанская.

И.: Новаторство именно в материале?

М.Г.: Да.

И.: А по содержанию и форме — традиционная?

М.Г.: Да. Если национальна традиционная парка, то ее видно сразу. У мужчин она глухая, у женщин она на завязочках. Только женщины имеют нганасанскую шапку с мехом собаки. Вот комбине, здесь у женщины все: от наперстка до иглы, она все носит с собой. Очень сложные орнаменты, по ним можно было видеть некоторую информацию (замужем или вдова и др). Обувь была заменена, так как национальная была испорчена.

По обычаям у ненцев мужчинам нельзя надевать женскую одежду (обувь, варежки), а женщинам нельзя садиться на мужское место. Женщина считается нечистой, хотя она ставит чум, готовит, шьет. Все члены нашего клуба поддерживают национальную культуру, вышивают сами. Национальную долганскую парку мы восстановили по фотографиям, сделали пуговицы из кости, то есть полностью восстановили традиционную парку. Мастерицы перед вышиванием сверяют орнамент, чтобы не выходить за рамки традиций. Есть приближенные к эвенкийским паркам, орнамент такой же, изменили только материал.

И.: А вот по материалу вопрос. Если меховые, то это понятно — олень, а ткани где брали?

М.Г.: Завозили купцы, в обмен на меха, либо мясо. Мой муж — эвенк. Ему бабушка с дедом рассказывали о том, как приезжали купцы. И в качестве налога брали соболя.

У нас есть два художника, которые прославили Таймыр. Это нганасанский Мотюмяку Турдагин и долганский Борис Мол-

чанов, у нас в музее работает его сын. Они передали много изделий нашему музею. Есть так же изделия разных мастеров, которые работают в Доме народного творчества. Это Алексей Чунанчар, Игорь Чунанчар, Николай Киргизов — работает по кости, Александр Супрунюк, Аркадий Сигуней — очень скромный, когда поступил к нам на работу, делал изделия только из дерева, затем перешел на кость, Алексей Валерьевич Зимин — у него незаконченное художественное образование, но он умеет передать идею, Владимир Алексеевич Рандин стоял у истоков искусства резьбы, а так же студии «Мамонтенок» в «Чуме» — это первая ступень в творческую жизнь для детей, Геннадий Сотников. У нас была студия «Маленькие мастера», мы работали с детьми-сиротами, но из-за отсутствия помещения нам пришлось ее закрыть. Николай Лаптуков и Вячеслав Бети — бивни мамонта, рог оленя, эвенкийская одежда. Отличия бивня мамонта от рога оленя — это, в первую очередь, цвет и структура (у оленя сетчатая структура). Зубы оленя в тундре применялись для игр детей.

Сани женские и мужские различались. Женские — со спинкой, у мужчин — дополнительные мешочки для оружия. При входе в музей можно заметить три фигуры, они оживлены шаманом во время обряда. Шаман с ними разговаривал и назвал их «счастье, здоровье и богатство». Их подкармливают оленьим жиром, опрыскивают молоком, при входе на экскурсию перед посетителем стоит выбор, что важнее (счастье, здоровье или богатство). Из оленьих копыт делают игрушки для детей, сейчас даже заколки и украшения. У нганасан не сохраняется традиция одежды, так как всю одежду клали с умершим в могилу. Раньше у нас была энецкая группа «Татуй», они заказывали одежду, хотя если уйти в прошлое, у энцев была одежда как у нганасан, затем в результате ассимиляции одежда стала походить больше на ненцев. Черты лица так же были ближе к нганасанам. Дети поддерживают традиции, создаются группы, творческие коллективы.

И.: А те, кто занимается традиционными занятиями, например, резьбой по кости, живут в обычных квартирах? Или

нет четкой границы?

М.Г.: Сейчас все смешано.

И.: Это не как развлечение, позанимался и все — ушел домой и забыл? Это часть души, часть образа жизни?

М.Г.: Когда дети приходят заниматься, за ними тянутся родители.

Экспертное интервью с Ириной Анатольевной Скатовой, главным хранителем фондов, КГБУК «Таймырский краеведческий музей», г. Дудинка

Интервьюер (далее — И.): Какого времени памятники есть в коллекции вашего музея?

Ирина Анатольевна (далее — И.А.): Я думаю, что середина 19 века точно есть. У нас в основном коллекция — это конец 19 — первая половина 20 века. Это и одежда, и декоративно-прикладное искусство, в основном, они носили утилитарный характер, то есть, они делались для какой-то надобности. Просто скульптуры или, например, карандашниц не было.

И.: А как комплектовалась коллекция?

И.А.: Наш музей образовался 4 сентября 1937 года. Началось все с одной выставки, затем в годы войны первые предметы были утеряны, а те, что сохранились, находились в нескольких закрытых помещениях. Основное комплектование началось уже после войны, примерно конец 50-х. Достаточно бурно комплектование началось в 70-х-80-х годах, когда у сотрудников появилась возможность на вертолетах посещать поселки, именно тогда они осуществляли комплектование.

И.: Это как раз было в советское время. А эти предметы уходят из жизни? Таймыр или центр России — в плане одежды все одинаково, а вот специфика сейчас уходит и сохраняется только за счет музеев?

И.А.: Да, все правильно. Мы так и говорим, что сейчас в стране всё новые какие-то вещи, а соприкоснутся с аутентичными вещами можно только в музеях. У нас существуют такие программы для детей коренных национальностей, выросших в городе и мало имеющих возможностей соприкоснуться со своей культурой, они могут именно в музее такую возможность получить. Они здесь видят предметы традиционных занятий, им рассказывают о том, как ими пользовались, для чего они предназначены и даже дают возможность ими попользоваться.

И.: Сегодня не происходит обратных процессов? Нет роста интереса к традициям и истории своих предков? В жизни современных коренных народов нет возвращения к традициям?

И.А.: К традициям, естественно. Нужно понимать, что это уже другой этап, то есть, если раньше эти предметы использовались по назначению, в этом была необходимость, то сейчас в этом есть некая театрализованность. Вообще нужно сказать, что интерес приходит. Мы наблюдаем подъем самосознания и гордости. Если у кого-то есть возможность (сохранились от предков какие-то предметы, например, одежда), то они с удовольствием используют это, носят одежду на все свои праздники и с гордостью считают себя представителями малочисленных народов. Причем у нас происходит симбиоз, здесь проживает 5 народов, но каждый сохраняет культуру своего народа. Энцы, как самые малочисленные (их 204 человека по переписи 2010 года), своей главной задачей видят сохранение языка, образуются языковые семьи. В городах создаются родовые общины каждой народности со своей программой, есть старейшины.

И.: Сегодня коллекция музея пополняется? Какие источники?

И.А.: Немного пополняется, и в основном это идет закупка. Бывает, что наши сотрудники выезжают в поселки, в последнее время это случается ежегодно — летом, например, в Носок, Караул, Хатангу, и по возможности оттуда поступают какие-то предметы. Их не очень много.

И.: Это остатки сохранные кем-то?

И.А.: Да, в основном это так. Сейчас стала возрождаться косторезное искусство немного на другом уровне. Если раньше резьба по кости была прикладного характера, вообще они очень любят орнаментировать одежду, предметы быта, то сейчас существуют именно косторезное искусство более абстрагированное, именно как предметы декора, украшения.

**Экспертное интервью с Ландиной Лейлой
Александровной, заместителем
директора по научной работе, КГБУК
«Таймырский краеведческий музей», г.
Дудинка**

И.: Как Вы считаете, на сегодняшний день коренные народы сохраняют свои традиции или уходят в современную цивилизацию, забывая свои этнические особенности? Или музейное пространство — это единственное место, где эти особенности сохраняются?

М.Г.: Нет, конечно, в последнее время я наблюдаю, что всё-таки проявляется интерес к своей культуре. И у молодёжи появляется интерес. Хотя, несомненно, в чистом виде традиции декоративно-прикладного искусства сохранились в пространствах музеев или у кого-то в бабушкиных сундуках. Но, несомненно, тенденция к развитию есть, и в том числе новые формы какие-то появились, что касается, например, непосредственно кости. Кость испокон веков обрабатывалась коренными народами, и нужно сказать вообще, что декоративно-прикладное искусство — неотъемлемая часть жизни коренных народов. Декоративно-прикладное искусство затрагивает почти все сферы жизни, не только одежду, но и предметы быта, предметы кухонной утвари, предметы оленеводства. Конечно, какие-то элементы утрачены, я могу это судить по музейным предметам. Что касается кости, она очень активна использовалась в оленеводстве, а сегодня больше используется в современном ДПИ и как скульптурная резьба. То есть материал остался, какие-то элементы остались, а применение и цель изменились. Но во всяком случае, вы могли уже заметить, что бисер, например, или мозаика, всё это, наверное, и не теряло своей актуальности никогда, особенно бисер. Он менял тему самих орнаментов, но он был всегда. Основные цвета использовались, современный бисер, в отличие от того, который привозился в 17 веке, но он никогда не терял своей актуальности. В советское время были мастерские, в которых работали пред-

ставительницы коренных народов, но тогда, всё-таки, в ногу со временем шли. Сейчас же хотят вернуться к традициям. А есть некоторые виды ДПИ, такие как гравировка, инкрустация, допустим, это сейчас не делает никто, тем более старыми дедовскими способами, оловом, например, и так далее. Какие-то предметы быта, те же сёдла, раньше их инкрустировали, сейчас уже нет. Во всяком случае, одежда, я считаю, никогда своей актуальности не утратит. Особенно мы можем видеть это на праздниках.

И.: Как Вы считаете, те произведения, которые сегодня создаются, это уже какой-то новый вид ДПИ или стремление возродить старые традиции?

М.Г.: Я думаю, наверное, и то, и то. Потому что и интерес к традициям существует и, в то же время, от прогресса никуда не уйти. Что касается традиций, материалов уже тех нет, и новые инструменты используются, более усовершенствованные, поэтому, конечно, изменения есть. И даже если сейчас мы шьём аутентичную парку по традициям, она всё равно будет отличаться от той, потому что мы не найдём тех материалов.

И.: То есть можно так сказать, что техническая сторона стала новой, усовершенствованной, а содержательная осталась древней?

М.Г.: Здесь такой двоякий вопрос, потому что, например, в костюмах материалы используются новые, а в кости материал прежний, но уже используют машинки и различные новые техники. Опять же, это моё субъективное мнение. Поэтому, собственно, если мы говорим о кости, то она уже как скульптура, а не ДПИ используется. А как ДПИ кость уже не используют.

И.: Иногда же ещё бывает в нащёчниках у оленей используют?

М.Г.: Да, но нащёчники кто сейчас уже делает? Скорее используют те, которые сохранились от предков, потому что я не видела современных нащёчников. Нам приносили в музей, но они старые очень.

И.: То есть мы можем так сказать, что произведения из кости уходят уже в сферу искусства?

М.Г.: Да, скорее всего так и есть, но тоже самое можно сказать и о бисере. То есть прикладная часть остаётся, но вместе с тем развивается и мозаика какая-то, панно, меховые панно, бисерные панно, раньше и ковры делали напольные. Меховая инкрустация сейчас утрачена, когда в орнамент вшивали нитки либо шкуру другого цвета. Она не совсем утрачена, конечно, на подолах ещё делают, а вот в орнаментах я этого уже не вижу. Это достаточно трудоёмкая техника.

И.: Мы видели нганасанские одеяния, на которых мозаикой составлен орнамент.

М.Г.: Да, это мозаика, а та техника (инкрустация) только у долган была. Они в полоски вшивали нити, шерстяные нити или другие — инкрустировали. Сейчас такое есть немного, я встречала в отделке, например, если идёт отделка песцом, допустим, и в неё вшивают нити из меха другого животного, не мозаикой.

И.: А что бы вы могли сказать о пополнении музейной коллекции? Вещи ещё какие-то находятся?

М.Г.: Конечно, да, находятся. Но у нас коллекция, я считаю, уже достаточно богатая, характеризующая различные виды ДПИ.

И.: Ваша коллекция работает каким-то образом с местными жителями? Интересуются?

М.Г.: Интересуются, да, бывает такое, но это могут быть мастера, студенты, школьники, которым интересно посмотреть древние виды ДПИ. Мы со школами очень много работаем, ведём лекции по декоративно-прикладному искусству, и занятия отдельные у нас есть. Сейчас у людей мало что сохранилось, первые предметы в пятидесятые стали попадать в музей. У нас ещё выделена отдельно коллекция поясов, ДПИ советского времени, есть заготовки к одежде отдельно и украшения. В последнее время предметы этнографии поступают редко, потому что их нет у людей. Приносят современное искусство, конечно, мы иногда делаем даже целенаправленные покупки. Приносят люди и одежду, иногда шитую уже с использованием традиционных элементов, но совершенно стилизо-

ванную. Было такое, что у нас не было в коллекции игрушек долганских, и нам их изготавливали на заказ.

И.: Правильно ли мы понимаем, что музейная коллекция сыграла решающую роль в сохранении традиций в советское время?

М.Г.: Я думаю, в том числе, конечно. Нельзя сказать, что только музейная, но и в том числе, если мы имеем в виду материальную культуру.

И.: Действительно ли, что в советское время стеснялись называть свою национальность, а сейчас наоборот?

М. Г. Это правда. Опять же, я свидетель, потому что многие дети от смешанных браков, метисы, они все называли себя русскими. Сейчас эти же люди говорят, что они ненцы, долганы и так далее. Я думаю, что это политика все-таки нашего государства. И сейчас уже гордость за свою принадлежность к той или иной национальности. Многие хотят выучить свой язык. Раньше представители коренных народов жили в основном в поселках, вели традиционный образ жизни. В поселках было очень хорошее снабжение, были в каждом почти поселке мастерские.

И.: В какое время примерно ушли эти мастерские?

М.Г.: Я думаю после событий в стране, когда произошел развал Союза, 90-е годы. Потому что в каждом поселке обязательно были зверофермы, то есть у людей была работа. А сейчас в основном все переезжают в города. Хотя, опять же это от людей зависит.

И.: А в целом все равно существует некая цикличность, то есть совсем никогда не исчезает, но когда-то больше интереса было, когда-то меньше?

М.Г.: Ну да, сейчас больше. Интерес повысился. Но не могу сказать, что в поселках кто-то ходит в своей традиционной одежде, например. Надевают ее на праздники.

И.: А в городах такого нет?

М.Г.: Нет. Зимой теплую одежду меховую носят ненцы, у которых есть олени. В основном одеваются все в современную одежду, конечно. Имеют традиционную красивую одежду,

только для того, чтобы выйти в ней на праздник, в повседневной жизни никто не носит. Отдельные элементы традиционные могут использоваться. Я даже видела какие-то платья трикотажные, вязанные с долганским орнаментом, узором. Есть у нас девушки-модницы, которые специально заказывают такие платья. Это люди публичные, в Ассоциации работают, они призваны возрождать и поднимать свою культуру.

И.: А не присутствует ли тогда в этом уже некий элемент театрализации или содержательная составляющая есть?

М.Г.: Возможно, например, те же платья выбирают и по красоте, но при этом не противореча смыслу. Они вообще очень серьезно к этому относятся. Даже будучи христианами некоторые, все равно не сделают против своих традиций, потому что есть люди, которые могут их осудить, есть старшее поколение, есть старожилы у нас в городе, которые знают это все до сих пор, и они могут как раз осудить, если девушка, например, сделает как-то не так. Хотя, опять же, исключения есть всегда. У нас есть в музее нганасанская парка женская, на которую пришит мужской орнамент. И причем, она не современная, а 60-70-х годов. Но как-то так получилось.

И.: Но вообще стараются соблюдать мужские узоры, женские, по положению или по статусу?

М.Г.: Да. Четкие, например, унты, которые еще в советское время носили, вышивка бисером была долганская, строго соблюдались цвета. Их носили и русские. Очень популярная обувь и до сих пор. И тем не менее, есть же мужской орнамент и есть женский, и никогда не наденет девушка унты с мужским орнаментом, ее засмеют просто. Пусть она даже языка знать не будет, но традиции все равно сохраняются. И вера присутствует, и какие-то элементы защитные. Обратите внимание, у коренных народов у всех проколоты уши. Считается, когда человек попадает в иной мир, злой дух может из ушей сделать ложки, а так, они же будут дырявые. Сказывается еще то, что мы все-таки в городе живем, здесь несколько иначе, чем в поселке. Иногда, например, можно увидеть девушку в нганасанской традиционной одежде, а унты не совсем нганасанские.

Долганские девушки надевают на голову на платок ободок, не носили так раньше. Павлопосадкий платок — элемент долганской одежды. Украшения у долган якутского производства, но они стали элементом долганского костюма. Поэтому даже пишем так иногда: долганское украшение якутского производства. Сейчас украшения среди девушек очень популярны. Многие стали шить ситцевую одежду, в советское время только парки могли носить. Опять же все это связано с политикой государства, есть, куда это носить, есть, где показывать, поэтому это и шьется. Очень много проводится фестивалей, гости приезжают, время само требует.

**Экспертное интервью с Ириной
Евгеньевной Максимовой, Максимовой
Ириной Евгеньевной, кандидатом
исторических наук, доцентом кафедры
культурологии, истории и теории
культуры Института искусств и культуры
Томского государственного университета**

Интервьюер: Ирина Евгеньевна, скажите, пожалуйста, какие виды декоративно-прикладного искусства распространены у эвенков?

Максимова И. Е.: Самый распространенный вид — вышивка бисером. Распространена также резьба по кости, которая скорее больше похожа на выжигание. У эвенков особая техника, когда по костяному предмету горячим раскаленным металлическим прибором выжигают орнамент, его не режут, а именно выжигают. По преимуществу такое изображение делается на луке седла, пороховницах и шаманских колотушках. Еще у эвенков очень высоко была развита меховая мозаика. Это не вышивка по меху, а именно наборная меховая мозаика, когда собираются полоски, кусочки меха нарезаются, сшиваются по-разному, получается рисунок. Тончайшие по полсантиметра полоски, сшиты встык сухожильными нитками.

Интервьюер: Был ли перерыв, например, в советскую или пост-советскую эпоху, в развитии декоративно-прикладного искусства у эвенков, если да, то когда и почему?

Максимова И. Е.: Я не могу говорить обо всех эвенках вообще. Я могу говорить только о той группе, которую я исследовала, а это, прежде всего, западно-сибирская группа, которая находилась в очень тесных контактах с ангарскими тунгусами, подкаменно-тунгусскими эвенками. По мере того, как Енисей заселялся русскими, произошел разрыв, и эти группы разделились окончательно. Но в целом, я думаю, что те традиции, которые характерны для западно-сибирских эвенков, близки и подкаменно-тунгусским, то есть восточно-сибирским эвен-

кам. Что касается современного состояния, скорее всего, оно будет различаться, потому что западно-сибирская группа очень разрозненная, и она не имела возможности сохранять традиции. А вот если речь идет о Подкаменной Тунгуске, то поскольку эвенки там живут более компактно, и группы больше, то у них соответственно было больше возможностей для сохранения традиций. Опять же, возвращаясь к вашему вопросу, традиционна, как я уже сказала, вышивка, резьба по кости, работа по металлу. Если говорить о современном состоянии — только вышивка.

Интервьюер: Это были самостоятельные произведения декоративно-прикладного искусства или только одежда и предметы быта?

Максимова И. Е.: Только одежда и предметы быта, отдельных произведений у них не было. Это культура кочевая, а это значит, что она очень экономная. Они не имели возможности перевозить с собой простой эстетический предмет. Эстетика сочеталась с утилитарностью, она была частью утилитарности. И поэтому там, где она начинала ей противоречить, от эстетики отказывались. Та же самая меховая наборная вышивка будет характерна для праздничной одежды, но для зимней, там, где важно не замерзнуть, это будет цельная литая шкура.

Интервьюер: Насколько качественно коренные народы Сибири могут восстановить архаичные традиции художественных произведений декоративно-прикладного искусства? Сохранилось ли традиционное содержание (знаки, образы, символы) или восстановлена только внешняя форма?

Максимова И. Е.: Ни то, ни другое не сохранено. Ведь культура живая, и ее невозможно воспроизводить в неизменном виде, она постоянно видоизменяется. И в этом плане сложно сказать, насколько современные образцы аутентичны. Эвенки всегда включали в свое декоративно-прикладное искусство те материалы, которые встречались им в процессе их жизни при взаимодействии с другими народами. Даже, если мы с вами возьмем предметы XIX века, там появятся царские жетоны, монеты, в более позднее время, например, колечки от часов,

часовых механизмов, которые сейчас считаются уже традиционными. И, естественно, это мастера воспроизводить не будут. Орнаменты живут, культура живет. И в этом плане, наверное, они воспроизводят качественно, потому что они реагируют на современность. Если вопрос касается того, насколько они следуют традициям, то уже не следуют. Почему? Во-первых, из-за проблем с материалом, материал всегда диктует орнамент. Если раньше это всегда была кожа, качественно выделанная замша, то сейчас это дорогостоящий материал. Эта кожа может быть не обязательно оленья, замша, какая-то другая. Сейчас кожу может заменять толстая ткань, типа сукна, а значит, уже появляются другие орнаменты. И поэтому, например, у западно-сибирских эвенков начинают появляться круговые орнаменты, которых раньше не было, потому что ткань позволяет делать эти орнаменты. Во-вторых, существует очень большое влияние соседних регионов, они начинают всё больше воспринимать себя как единый этнос. Если раньше орнамент имел характер дифференцирующий для группы, когда они по орнаменту нагрудника определяли принадлежность к роду, то сейчас для них определение этой принадлежности не столько важно.

Интервьюер: То есть можно говорить о художественной стилизации?

Максимова И. Е.: Можно говорить о художественной унификации. Они уже не делятся по родам. Эвенки — русские, такое противопоставление более значимо. Идет смешение разных групп эвенков друг с другом.

И есть еще третий фактор. Сейчас они не ограничены поставками, например, того же бисера. Завозили им 3—4 вида бисера, как правило, цветовая гамма была характерна для определенных регионов. Сейчас гораздо больше выбора, поэтому начинается больше пестроты, может быть иногда даже в ущерб эстетике.

Интервьюер: Насколько широко распространены элементы декоративно-прикладного искусства в повседневности (одежда, обувь, сумки)?

Максимова И. Е.: Сейчас фактически этого нет. Декоративно-прикладное искусство остается у западно-сибирской группы эвенков только как праздничный элемент, парадно-выходной.

Интервьюер: На каких праздниках встречаются такие образцы?

Максимова И. Е.: Есть национальный праздник для северных народов, в этом году он будет проходить 5 августа. На него съезжаются все северные народы в своей этнической одежде. Но даже там одежда эвенков имеет отличие от одежды селькупов, например, хотя и в первом, и во втором случаях это не чистое воспроизведение традиции. Сами они начинают воспринимать эту одежду как свою традиционную, тогда, как с точки зрения этнографа это считается уже «подделкой».

Сохраняются эти элементы на праздниках и еще как одежда для умерших людей. Это очень интересное явление, потому что, видимо, в каком-то подсознании для старшего поколения эти вещи служат их идентификации на том свете. Когда они туда придут, с ними должно быть то, что определяет их, как принадлежащих к определенной этнической группе, им нужно будет найти своих. Именно подлинные вещи, например, нож для мужчины, кисет, нагрудник, пояс, могут выступать в качестве атрибутов умершего человека. У эвенков не было понятия погребальной одежды, а предметы декоративно-прикладного искусства могли выполнять такую функцию.

Интервьюер: Наряду с сохранением традиционной культуры, подлинной эвенкийской, существует и вторая традиция, неоэвенкийская?

Максимова И. Е.: Да. И здесь очень интересно было бы провести исследование, выяснить, что именно подверглось изменению, а что нет. Например, форма нагрудников мужского и женского осталась неизменной. Для них она, видимо, семантически важна, и ее нельзя изменить. А вот орнаментация уже начинает меняться. Так же, как меняются материалы, которые применяются.

Интервьюер: С какого времени это произошло?

Максимова И. Е.: Это произошло с 90-х годов XX века. С тех пор, как началось повышенное внимание к народам Сибири со стороны государства, и началась их повышенная самоидентификация. До этого времени очень многие сибирские народы называли себя русскими, даже тогда, когда была реальная ситуация выбора. Хотя народы Сибири и пользовались некоторыми льготами, для них это было снижение статуса. Также раньше льготами предпочитали не пользоваться, нищеты не было. А в 90-е годы, когда заговорили о том, что у них будут права землепользования, что им выделяют территории, в Томской области количество селькупов, например, увеличилось на 30%. Но с эвенками посложнее, тем не менее, они стали себя резко обозначать. К ним даже сейчас особое отношение.

Интервьюер: Является ли тот или иной способ передачи умения изготавливать произведения декоративно-прикладного искусства для коренных народов Сибири эффективным, почему?

Максимова И. Е.: Есть, конечно, учебники, но мне все-таки кажется, что передача от мастера к ученику является более эффективной, потому что она подразумевает творчество и восприятие творчества. Так, как раньше была цеховая система, когда ученик должен был сделать шедевр, чтобы его признали мастером. А любое обучение в художественных училищах подразумевает, прежде всего, освоение техники, в лучшем случае эстетическое сочетание каких-то элементов, как данных. В первом же случае передается внутреннее содержание, внутреннее видение, поэтому наставничество более эффективно.

Интервьюер: Нужно ли детям коренных народов Сибири обучаться декоративно-прикладному искусству в обязательном порядке, чтобы воспроизводить этническую самоидентичность?

Максимова И. Е.: Я сторонник возрождения уроков труда. Здесь есть несколько факторов, начиная с психологического, когда работа с мелким материалом для любого ребенка полезна в плане моторики. Будет он этим заниматься или нет в даль-

нейшем это другой вопрос, но навык может оказаться востребованным гораздо позже. Если навыка изначально не будет, то не будет и умения. Эти уроки играют очень большую роль. Это знакомство с культурой своего народа через предмет. Отсюда и возрождение интереса, и его стимулирование.

Интервьюер: Какие форматы развития декоративно-прикладного искусства коренных народов Сибири, на Ваш взгляд, на сегодняшний день выглядят перспективными?

Максимова И. Е.: С одной стороны, можно предложить много таких форматов, с другой — вряд ли они будут особо оригинальными. Самый простой формат — это обучение. Но до обучения — изучение и сохранение, потому что мы сначала должны понять, с чем мы реально имеем дело. Раньше декоративно-прикладное искусство изучалось по преимуществу этнографами, но этнографические описания даже технологий изготовления не всегда настолько полны, что позволяют воспроизвести это.

Первый формат — это изучение именно технологий работы с аутентичными материалами. Второе — это, конечно, передача этого опыта на уровне школ, кружков, популяризация их. Можно обучать не только на примере традиционных предметов культуры коренных народов, а расширить круг тем. Например, создавать наборы для вышивки в стиле разных культур. Только это должно быть более утилитарно. Сувенирная продукция такого рода. Однако, при всех этих мероприятиях и обучении, необходимо четко разделять границу между творчеством и аутентичностью.

Интервьюер: В наши дни происходит модернизация декоративно-прикладного искусства коренных народов Сибири, например, на уровне технологий и материалов (косторезные станки, искусственный мех). Как определить, где проходит черта, за которой традиционные произведения декоративно-прикладного искусства перестают быть таковыми и превращаются в рыночный предмет?

Максимова И. Е.: Дело в том, что у народов Сибири не было декоративно-прикладного искусства в чистом виде. Это всегда

было декоративно-прикладное искусство для повседневности, в лучшем случае для праздника. И когда эти вещи действительно используются в быту, даже если в них произошли изменения — это живая культура. Когда же они изготавливаются для того, чтобы сходить на фестиваль, например, то это уже профанация, вещи напоказ. Живая народная культура должна жить именно для себя. Для меня это самый важный критерий.

Интервьюер: Можно ли поставить производство художественных произведений декоративно-прикладного искусства коренных народов «на поток»? Или это уникальные вещи?

Максимова И. Е.: Изначально они всегда были уникальными. У коренных народов Сибири не было понятия тиражирования, потока. Заметьте, все нагрудники, которые мы имеем, абсолютно разные. Вы никогда не найдете двух одинаковых. Даже когда орнаменты где-то повторяются, и сочетание цветов, и пропорции другие. Традиционное искусство народов Севера всегда авторское и уникальное. По оформлению свадебного наряда, что у хантов, что у эвенков судили о качествах невесты, как хозяйки, как мастерицы, поэтому это всегда были авторские вещи. Как только это начинается на продажу, авторство исчезает. Сувенирная продукция, конечно, имеет право на существование, но опять же нельзя путать вещи аутентичные и продукцию сувенирную. Одна из болевых точек — народы Сибири сейчас производят вещи именно напоказ, а не для себя. Опять же, как уже говорилось, декоративно-прикладное искусство тесно связано с утилитарностью, но образ жизни-то сменился. Если, например, для якутов (они жили относительно оседло, как и сейчас) те же резные чуроны могут стоять и дома, а могут выносятся и на праздник, то эвенкийский нагрудник, кисет, сейчас уже никуда не пригодится. Нет потребности. Унты делаются до сих пор, потому что в них и сейчас по тайге ходить удобнее, чем в сапогах. Что в быту встречается, то и сохраняется.

Интервьюер: Действительно ли художественные произведения декоративно-прикладного искусства коренных народов отражают древние традиционные знания или речь идет

о современных воображаемых этнокультурных идентичностях, в том числе — функционирующих в условиях рыночной экономики?

Максимова И. Е.: Изначальная семантика, как уже отмечалось, забывается, уходит в прошлое. Если раньше некоторые украшения носили обереговую функцию, сейчас они эту символику уже забыли. Некоторые старые элементы могут воспроизводиться, конечно, но вряд ли осознанно, скорее оттого, что видели у пожилых родственников. К тому же, старая семантика очень архетипична.

Интервьюер: Возможно ли появление новых направлений декоративно-прикладного искусства коренных народов Сибири?

Максимова И. Е.: Конечно.

Интервьюер: Каких именно?

Максимова И. Е.: Я имею в виду сочетание материалов. Например, раньше у эвенков широко использовалась вареная береста, прежде всего для того, чтобы делать покрышки чума. Сейчас из нее ничего не делают, но эта технология у них была. Также раньше делали лодки из обожжённой бересты. Я также вполне допускаю и заимствования у соседей.

Интервьюер: Нужны ли новые исследования художественных произведений декоративно-прикладного искусства эвенков?

Максимова И. Е.: На мой взгляд, нужны прикладные исследования для воспроизведения технологий. У археологов целые лаборатории работали над тем, чтобы воспроизвести технологии. Нужно именно экспериментальное направление этнографии, когда бы исследовались эти технологии и перенимались, пока еще не поздно. Может быть, нужны исследования такого плана, как например, создание каталогов декоративных мотивов, которые используются, в помощь мастерам, училищам.

Интервьюер: Насколько различаются стили декоративно-прикладного искусства в зависимости от региона проживания эвенков в России? В мире?

Максимова И. Е.: В мире — это Китай, потому что, кроме

России, только в Китае есть эвенки, больше их нигде нет. Но вообще региональные отличия, конечно, есть. Например, наличие криволинейных орнаментов, круговых. Эвенки интересны тем, что они, с одной стороны, довольно сильно сохраняют какое-то ядро своей культуры, а с другой — они каждый раз очень сильно смешивались с местными народами, но осознавали себя, как эвенки, по-прежнему. И поэтому у них орнаменты и декоративно-прикладное искусство отличается, может и по технологии, и по типам орнаментов, здесь нужно подробнее смотреть каждый случай.

Интервьюер: Как проявляется их стиль, есть ли какой-то ключевой орнамент?

Максимова И. Е.: Как правило, у них нет повторяющихся орнаментов, модульных элементов. Западно-сибирская группа эвенков сформировалась относительно недавно. Эвенки шли сюда с Подкаменной Тунгуски, с Ангары, затем они уже соединились и стали воспринимать себя как группу. В Томской области представлены разные по орнаментике костюмы, потому что все традиции они принесли оттуда. До 30-х годов эту группу не воспринимали, это связано с тем, что они платили ясак на Енисее. Их вообще считали Енисейскими, а в Томскую область они забрели случайно. Так было принято, несмотря на то, что они живут здесь уже давно, а на Енисей просто отправляли кого-то платить ясак. Поэтому в Томские музеи коллекции практически не поступали. Коллекции, полученные с обь-енисейского канала, хранятся в Красноярском музее. Первые поступления пошли сюда (в Томск) в 20-е годы XX века, когда пошли земле-водно-устроительные работы. Началось изучение производительных сил, прошла приполярная перепись. Тогда появляется первая статья М. Б. Шатилова и первые сборы. Они носят характер отображения костюмов. Первые поступления носили случайный характер. Далее начали проходить экспедиции, но это уже 70-е годы. Тогда стали появляться новые поступления, отчасти случайные. У нас имеются фотоколлекции костюмов от 50-х годов. Это такие исследователи как Андрей Петрович Дульзон. Они фотографировали эвенков

в национальных костюмах. У нас представлена шаманская атрибутика, она намного богаче, чем костюмы. Сами костюмы лучше представлены в Новосибирском музее, так как с конца 20-х годов Томск был в составе Западно-сибирского края, и именно тогда совершали те экспедиции, о которых я говорила. Под руководством новосибирских исследователей произошло производственное объединение эвенков и благодаря этому общению к ним эти костюмы поступали. У них очень богатая коллекция эвенкийских костюмов, можно посмотреть на их сайте. Самые старые костюмы находятся в Лейпциге, там проходили всемирные промышленные выставки и были представлены павильоны разных стран, в том числе павильон России, и там были представлены вещи, собранные здесь.

Интервьюер: Вы можете показать специфику орнамента местных эвенков, чтобы можно было ее визуально отличить? Или это такие тонкости, которые можно понять только тогда, когда насмотришься много разных образцов?

Максимова И. Е.: Вопрос очень непростой, я не знаю, как это выразить словами. Разница в материале. Я могу четко различить западно-сибирское это или нет, но не знаю, как это объяснить. Это целый комплекс факторов. Цветовая гамма зависит от того, какой бисер подвозится. Наши нагрудники очень похожи на ангарские. По технологии тоже могут быть различия. Томские, например, шьют в две иглы, для зимней одежды характерны очень мелко пришитые между собой кусочки меха, сначала они пришиваются, затем обрезаются. Иногда присутствует зубчатый орнамент, чередование белого и черного меха, как в шахматах.

С XVIII века начинается смешение одежды, но именно нагрудник и плечевая часть характерна для эвенков. В 1930 году Ленфильм у нас на реке Сырь снимал фильм «Мститель», где играли наши эвенки. К сожалению, фильм этот не сохранился, но в архиве удалось найти фотографии съемок. На этих фотографиях можно увидеть эвенков в национальных костюмах.

Интервьюер: Есть ли различие между мужским и женским

нагрудником?

Максимова И. Е.: Да. Круг — у женщин, треугольник — у мужчин.

Интервьюер: Количество полос на нагрудниках имеет значение? Может это означать статус или возраст, как у нганасан?

Максимова И. Е.: Я такого не встречала. Как правило, количество полос всегда одинаковое. У женщин форма нагрудника отличалась, считается, что эти различия по родам.

Интервьюер: Есть ли отличительные особенности в обуви?

Максимова И. Е.: Ошаров Михаил Иванович, автор книги «Большой Аргиш», описывает эвенков, глазами самих эвенков. Он был хорошим знатоком их фольклора и вообще эвенкийской этнографии. Он описывает такой момент, когда по обуви можно было определить, откуда пришел человек, этому помогает орнамент. Орнаменты делались по трафаретам: накладывали бересту, а затем наносили краску. Нагрудники сейчас очень изменились, на них помещаются различные блестящие изделия. С одной стороны, традиция живет и в нее включаются новые элементы, а с другой — сохраняется только форма костюма, остальное — нововведения. Орнамент на обуви становится проще. Национальная одежда используется как празднично-представительская. По мотивам нагрудников создаются панно.

На шаманских бубнах могут быть очень красивые орнаменты. Что касается шаманских костюмов, то там остаются только прежние формы. Меняется сама технология, будет обилие бахромы и металлические подвески. Сама технология изготовления уже будет другая. Что касается металла, то его будет много, но на этих костюмах, как правило металл литой. Эти подвески они льют сами. Преимущественно шерсть будет крашеная, т.е. белая шерсть очень редкая. В основном красная, бордовая. Орнамент совершенно другой, лишь он будет повторяться на нагруднике. Секторальность будет характерна и на нагрудниках, и на бубнах. Будут часто использоваться ромбы, например. Даже если это изображение ящерицы тканое возьмём, то даже там будут присутствовать ромбики.

Для народов Севера характерно воспроизводство внутреннего состояния, впечатления. Именно поэтому в шаманских принадлежностях никогда не встречается повторов, очень редко встречаются абсолютно одинаковые вещи — это не традиция мировых религий. Эвенки не воспроизводят слово в слово, они воспроизводят стратегию мировосприятия. Олень для эвенков что-то свое, а белый медведь — чужой. Многие играют в традиции, воспроизводят их так, как видят, не ставят задачи восстановить этнографически точно. Вещи носили утилитарную функцию, не было искусства ради искусства. Швы носили не смысловой характер, а практический. Когда исчезла утилитарность, началась свобода в создании вещей — украшательство. Идет смешение стилей разных народов, а когда-то это было принципиально. Возможно, это происходит по той причине, что народы понимают — отдельными группами им не выжить. Если они соединяются с другими народами, то они теряют отчасти свою традицию. Сведения о традициях получаются различным путем: работа профессиональных этнографов, работа музеев. Коллекция нашего музея до 30-х годов иллюстрировала реальный быт, после этого времени все собранные предметы — воспоминания о том, что было, а современное декоративно-прикладное искусство — воспоминание о воспоминании.

Интервьюер: А с чем связаны такие орнаментальные мотивы на одежде шамана, как ромбики? Можно ли их трактовать как обозначение направлений движения шамана — к верхнему миру и к нижнему?

Максимова И. Е.: Нет, я думаю, что это всё не так. Шаманские костюмы изначально изображают либо костяк самого шамана, либо костяк животного, в которого он перевоплощается, либо военный шаманский доспех. Мне кажется, что ромбики на одежде будут изображать либо позвонки, кости на спине, либо точки костного мозга с углублением. Довольно таки реалистично. Нужно всегда искать натуралистическое объяснение и только потом уже более высокое, семантическое. Потому что на первом месте у них натурализм — это может быть оперение,

шерсть, костный мозг, а уже потом знаки верхнего, среднего, нижнего миров. У них очень конкретное мышление. Через профанное, первичное пространство выходит сакральное. Мастер не экстрасенс, он просто часть рода.

Выводы

1) Традиция декоративно-прикладного искусства коренных народов Севера и Сибири может быть рассмотрена на примере культуры эвенков как кочевого народа, тесно взаимодействующего со всеми основными этносами Красноярского края и вбирающего в себя элементы их культур.

2) Декоративно-прикладное искусство коренных народов Сибири постоянно видоизменяется, поскольку теснейшим образом связана с образом жизни и с повседневностью, которые также меняются. Изменения затрагивают материалы, технологии, орнаменты и их значения.

3) Наиболее прочно сохраняются те формы, технологии и значения декоративно-прикладного искусства коренных народов, которые продолжают быть востребованы в повседневной жизни или в ее обрядовой стороне (праздничная одежда, погребальные атрибуты). Утилитарность для предметов декоративно-прикладного искусства коренных народов (особенно кочевых) первична.

4) Превращение предметов декоративно-прикладного искусства коренных народов Севера и Сибири в сувенирную продукцию без связи с их реальной жизнью, без утилитарной функциональности может привести к полной утрате связи с традицией и к ее разрушению. Важно учитывать, что одним из главных качеств традиции коренных народов является авторское производство каждой вещи, поэтому изготовление декоративно-прикладных предметов нельзя производить в конвейерном варианте. Это будет противоречить самой сути искусства коренных народов.

5) Сохранение традиции декоративно-прикладного искусства коренных народов Севера и Сибири возможно при проведении специальных прикладных исследований с целью детального изучения и реконструкции традиционных способов производства декоративно-прикладных вещей на основе музейных коллекций, существующих мастеров, проведенных ранее этнографических исследований.

6) Сохранению и качественному развитию традиции будет способствовать также введение обязательных для всех уроков труда в школе с элементами основ декоративно-прикладного искусства коренных народов Севера и Сибири, которые могут стать хорошей базой для выявления талантливых детей.

7) Основным способом передачи традиции должно быть непосредственное общение мастера с учениками на подобии цеховой организации труда и творчества с использованием тех знаний и технологий, которые будут выявлены и реконструированы проведенными предварительными исследованиями.

Для обложки использована репродукция произведения художника С. Ф. Турова «Песня» из серии «Юность Таймыра», любезно предоставленная Красноярским художественным музеем им. В. И. Сурикова.

Оглавление

Полевые исследования на территории Эвенкийского муниципального района Красноярского края	5
Дневник полевых исследований 16 августа 2017 г.	6
17 августа 2017 г.	7
18 августа 2017 г.	11
Вывод	11
Полевые исследования на территории Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края	17
Вывод	22
Экспертные интервью	39
Экспертное интервью с И. А. Вашнорайте, главным хранителем фондов МБУК «Эвенкийский краеведческий музей» Эвенкийского муниципального района Красноярского края	39
Экспертное интервью с Тамарой Михайловной Сафьянниковой известным эвенкийским автором, декоративно-прикладного искусства, активной пропагандисткой эвенкийского языка, культуры и обычаев	46
Экспертное интервью с Н. М. Удыгир, мастером эвенкийского декоративно-прикладного искусства	54
Экспертное интервью с В. А. Хутогир, мастером эвенкийского декоративно-прикладного искусства	56
Экспертное интервью с Г. К. Лапуко, сотрудником МБУК «Эвенкийский краеведческий музей» Эвенкийского муниципального района, носителем эвенкийского языка	65
Экспертное интервью с Любовью Юрьевной Поповой, директором КГБУК «Таймырский Дом народного творчества («Чум»), г. Дудинка	72
Экспертное интервью с мастерицами Анной Павловной Яроцкой, Мариной Фёдоровной Ярославцевой. КГБУК «Таймырский Дом народного творчества («Чум»), г. Дудинка	79

Экспертное интервью мастером-косторезом Николаем Михайловичем Киргизовым, КГБУК «Таймырский Дом народного творчества («Чум»), г. Дудинка	86
Экспертное интервью с мастером-косторезом Алексеем Николаевичем Чунанчаром, КГБУК «Таймырский Дом народного творчества («Чум»), г. Дудинка	91
Экспертное интервью с Мариной Геннадьевной Жарковой, директором МБУК «Городской Центр народного творчества», г. Дудинка	97
Экспертное интервью с Ириной Анатольевной Скатовой, главным хранителем фондов, КГБУК «Таймырский краеведческий музей», г. Дудинка	104
Экспертное интервью с Ландиной Лейлой Александровной, заместителем директора по научной работе, КГБУК «Таймырский краеведческий музей», г. Дудинка	106
Экспертное интервью с Ириной Евгеньевной Максимовой, Максимовой Ириной Евгеньевной, кандидатом исторических наук, доцентом кафедры культурологии, истории и теории культуры Института искусств и культуры Томского государственного университета	112
Выводы	125

**Наталья Петровна Копцева
Юлия Сергеевна Замараева
Наталья Анатольевна Сергеева
Наталья Михайловна Либакова
Екатерина Анатольевна Сертакова
Антонина Игоревна Филько
Елизавета Сергеевна Стручева**

Декоративно-прикладное искусство коренных
малочисленных народов Красноярского края:
современное состояние, перспективы развития.

Полевые исследования.

монография

Фотограф Елизавета Сергеевна Стручева